

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая

ВЕЧЕР ЧЕРНЫХ ЗВЕЗД

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Екатерина Белецкая
Иар Эльтеррус
Вечер черных звезд
Серия «Безумие Бардов»
Серия «Время черных звезд», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819725
Вечер черных звезд: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53960-4

Аннотация

Секторальную станцию по приказу Великого должны были сжечь! Но... Что сделал ее экипаж и какую цену они заплатили за прорыв, из неофитов не понял никто, однако осмелившихся противостоять воле бога теперь оставалось только искать и догонять по галактике. А цена оказалась и впрямь запредельной. Жизнь Скрипача, загадочного, невероятного получеловека-полугерма, которому удалось невозможное – используя Сеть, вытащить станцию из стопроцентной ловушки, по сути, увести друзей с эшафота, а заодно заполучить таинственный метафизический «ключ». Эта формула – единственное, что могло помочь Аарн и Контролю в борьбе с блэки, которые под благовидным предлогом очистки вселенной от «грязи» продолжали уничтожать жителей сотен планет. Ни Ри с Итом,

ни Бард, ни Сэфес этого сделать не смогли бы никогда. Теперь пришел их черед помогать Скрипачу. В самое короткое время его надо было доставить в базовый мир Контроля. И при этом не попасть под удар флота блэки и не привести «чистильщиков» за собой к населенным мирам.

Содержание

Мир Изначальный	5
Секторальная станция	40
Маджента	80
Секторальная станция	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая Вечер черных звезд

*Ты слишком много отдал,
Чтобы остаться прежним.
Ветер ломает крылья,
Как руки ломали цветы.
Ты слишком много отдал,
А небо всегда безбрежно,
Небо на все готово,
Чтобы остаться пустым.
Нам никогда не поверят...*

«Личное DELO» Ket263, 2004 г.

Мир Изначальный Стовер, Великий и все остальные

Упустили!

Когда, казалось, все уже было окончательно решено и никак не могло измениться, – упустили!

Да как!..

Великолепно просто-таки упустили.

Красиво.

Позорнейше...

Стовер, помимо своей воли, нет-нет да и расплывался в довольной улыбке, вспоминая, как все произошло. Конечно, его катер и близко не подошел к станции, которую по приказу Великого должны были сжечь, причем не только экипаж, но и саму станцию, физически. Конечно, он был в десятом ряду и в отдаленной точке.

Но... Да, это было зрелище. Такое не забывается.

Сначала Стовер подумал, что Великий отдал приказ на несколько минут раньше, но тут же сообразил, что этого быть никак не может – проблема заключалась в том, что корабль самого Великого все еще находился неподалеку от станции, а Великий своей драгоценной шкурой, конечно, рисковать не желал. Белая игла корабля медленно двигалась по плавной глассаде вниз, ее даже еще было видно.

И вдруг...

Станцию словно взорвало изнутри и вывернуло наизнанку. В долю секунды там, где она только что была, заплясал геометрически правильный огненный вихрь. Корабли, которые находились рядом, сгорели в мгновение ока – позже Стовер сообразил, что сожгла их, собственно, сама Сеть. Сияющий вихрь крутанулся сумасшедшим волчком, от него во все стороны потянулись плазменные белые нити, и пространство начало скручиваться в спираль. Имевшие неосторожность подойти ближе к станции боевые корабли начали сталкиваться, кто-то истошно орал по связи: «Расходитесь!»

Расходитесь! Уходите по прежним координатам!» Но никто этих воплей не слышал или не слушал – в наступившей кутерье каждый оказался сам за себя.

Станция раскрылась, как чудовищных размеров цветок, вращение плазменных нитей вокруг нее ускорилося, а потом пространство вдруг прогнулось, схлопнулось – и станции не стало, было только пустое место там, где только что развернулась эта беззвучная и стремительная феерия.

Стовер опомнился одним из первых. Лихо лавируя между потерявшими управление межпланетниками, он отвел катер на безопасное расстояние и принялся вызывать корабль Учителя. Тот откликнулся на удивление быстро.

– Как же это?! – горестно восклицал он, пока Стовер, Агор и Аран спешно прокладывали курс в нужную для его корабля точку. – Да что же это?!

– Прекратите орать, – раздраженно приказал Микаэль. – Убирайте машину из этой каши, черт бы вас побрал!

– Да-да, сейчас... нет, немислимо... Как же тварь из этих... это...

– Учитель, не выводите меня из себя больше, чем нужно для дела, – едва сдерживаясь, процедил сквозь зубы Стовер. – Какая-какая... Какая-то.

– Как же Единый это допустил?!

– Если вы продолжите завывать, Единый еще и не то допустит. Я его лично об этом попрошу.

Через полчаса корабль Учителя, наконец, доковылял до

точки встречи. Стовер уже привычно пристыковал к нему катер и, махнув рукой Грегори и палачу, отправился беседовать.

* * *

Учитель и Ими-ран пребывали в горестном и подавленном состоянии духа. Остальные неофиты, похоже, еще не осознали до конца ни размеров потери, ни масштабов неприятностей, которые могли за этой потерей последовать, и были пока что просто безмерно удивлены.

– А я предупреждал, – злорадно заметил Стовер, когда они впятером закрылись в рубке управления. – Если бы станцию отдали мне...

– Микаэль, но вы же знаете, что это было невозможно, – сказал Учитель. – Вам, кажется, объяснили, почему станция и те, кто на ней находился, должны были быть уничтожены, причем незамедлительно.

– Это вам объяснили, – парировал Стовер. – С моей командой и со мной никто не удосужился связаться. Передали сообщение, в какую точку идти, и этим ограничились.

– Вы не слуга Единого, поэтому, видимо, и не сказали... – немного растерялся Учитель. – Нам всем передали высочайшее веление – немедленно занять позицию и по команде Великого стереть эту мерзость с лика вселенной.

– Ну как, стерли? – ехидно усмехнулся Стовер. – Получи-

лось?

Учитель понуро развел руками.

– Что же теперь будет? – грустно спросил он и поднял на собеседника несчастные глаза: – Столько времени за ними гонялись, догнали, привели... и – вот так?

– Что будет, не знаю, – задумался Стовер. – Кое-какие соображения у меня имеются. Но мы с вами, дорогой Учитель, допустили одну очень серьезную общую ошибку. И вы, и я.

– Это какую же? – удивился Учитель.

– Мы стали говорить с врагом, вместо того чтобы прикончить его сразу же, – назидательно заметил Стовер. – Ладно я. Когда я впервые попробовал их атаковать, я просто... я не знал, что мой катер для этого бесполезен. А вот вы...

– Вы не знали про свой катер? – удивился Учитель.

– Рыба моя, если бы вы могли себе представить, где я его взял... Ну да, я не знал про свой катер, потому что он у меня сравнительно недавно. Но вы!.. Почему вы, имея такие возможности, этого не сделали?

Учитель задумался.

– Они от нас каждый раз сбегали, – признался он. – Совершенно непостижимым образом. Микаэль, что же все-таки делать? Я не могу... не имею права этого так оставить!

Стовер задумался. Чего греха таить, он намеревался в самое ближайшее время устроить погоню самостоятельно. Когда станцию отобрали, а самого его, скажем так, вежливо попросили подвинуться, он, разумеется, обиделся, но вида не

подал – слишком большой куш можно было снять с Братства. Но сейчас ситуация стремительно менялась, а Стовер всегда умел ориентироваться гораздо быстрее, чем многие другие.

– Вот что, – решительно сказал он. – Давайте поступим следующим образом. Сейчас, я так понимаю, нам всем так или иначе предстоит беседа со Старшими Братьями. Я прав?

Учитель кивнул, впрочем, без особой уверенности.

– Так вот. Во время этой беседы вы будете настоятельно просить отпустить вас в погоню за станцией. Я точно так же буду просить за себя.

– Ох, Микаэль... мне тяжело это говорить... Вы ведь не врете! – Учитель опустил глаза. – Вы говорите чистую правду... но почему она у вас получается такой горькой?

– Видимо, потому что не все любят сладкое, – усмехнулся Стовер. – Не отвлекайтесь от темы. Итак, вы попроситесь в погоню. Было бы лучше, если бы с нами пошли еще два-три корабля. Для надежности.

– Сейчас свяжусь с братом Халом и с сестрой Нудгой, – предложил Учитель. – Думаю, они не откажутся. Ими-ран, мальчик мой, пойди, вызови сестру и брата, – распорядился он. – Расскажи им, что мы тут придумали. Иди, иди. И скажи остальным, чтобы отдохали, – боюсь, в ближайшее время опять предстоит непростая дорога.

– Иди, мальчик, – подтвердил Стовер. Ими-ран кивнул им и вышел. – Конечно, решение зависит не от нас, все решат Старшие Братья. Но есть вероятность, что они пойдут нам

навстречу, верно?

– Пойдут, конечно, – согласился Учитель. – После такого... да, надеюсь, пойдут. Микаэль, а что именно там случилось? Кто это сделал?

– Один из трех. Или пилот, или гермо, или... – Стовер призадумался. – Второй гермо. В любом случае, это уже не имеет значения.

– Почему? – с любопытством спросил Учитель.

– Потому что сделавший это мертв, – невесело усмехнулся Стовер. – Не может быть не мертв. Такие вещи способны делать только Контролирующие, а с нашими Контролирующими явно не все нормально, – добавил он едва слышно.

– Что вы сказали? – переспросил Учитель.

– Неважно, – отмахнулся Стовер. – Так, вслух размышляю. Знаете, Учитель... Эта станция будет моей. Или она будет моей, или сгорит к шуту! Я вам клянусь, что я ее достану, где бы она ни была. Достану и выжгу всех, кто на ней находится, к чертям и к дьяволу! Проклятая мразь ответит мне за все!

– Микаэль, ну зачем вы так агрессивны. – Учитель недовольно поморщился. – Грязь недостойна вашего гнева. Она достойна только того, чтобы быть стертой. Убранной.

– Недостойна, говорите? Сколько мы с вами вместе за нами гонялись? А сколько до нашей встречи гонялись по отдельности? Сколько здоровья и вы, и дети оставили в этой погоне, сколько слез, сколько нервов? Сколько времени эта

грязь морочила нам голову и издевалась над нами? А сейчас?! Сейчас они взяли разменную фигуру, того же рыжего идиота, и использовали его как топливо для того, чтобы снова оставить нас в дураках!

– Да что вы такое говорите!..

– Да что слышите, то и говорю!!! – рявкнул Стовер. – Сколько можно быть бесхребетным слизнем? Сколько можно терпеть унижения – и от кого? От этой вот мрази?! Учитель, в наших силах, в нашей власти это все изменить! Мы должны... нет, мы обязаны завершить то, что начали. Завершить – сами! Это уже дело чести.

– Ну, может быть, – сдался тот. – Может, вы и правы. Хотя мне, честно говоря, теперь кажется, что...

Он осекся, потупился.

– Договаривайте, – приказал Стовер.

– Ну, раз они сбежали... может, так надо? Может, такова воля Единого? Может, не надо за ними больше гоняться?

В углу мелко, по своему обыкновению, захихикал палач.

– Смеетесь, дядя Миша? И что же веселого? – поинтересовался Стовер.

– А ничего, милые, ничего. Просто уж очень вы раскипятились. А он уж очень сильно испугался. Зря боитесь, уважаемый, – палач пересел поближе к Учителю, положил руку ему на колено, другой рукой взял за подбородок и развернул к себе. – Не бойтесь. Микаэль, он, может, и крут, и не кажет-

ся таким добрячком, но зато понимает, о чем говорит. Мы, знаете ли, были там, на этой станции, несколько дней. Так вот, дорогой Учитель. Там не просто грязь, там нечисть.

Палач говорил тихо, но весьма убедительно – Стовер мысленно этот подход одобрил.

Верно! Ведь ни Учителю, ни детям, да и вообще никому из неофитов правду о заложниках станции никто не сказал. Сейчас можно использовать это к своей выгоде.

Ай да палач. Интересно, как он развернет ситуацию дальше?

– Трое из тех, кто там находится, – это Контролирующие. Самые, так сказать, яркие представители грязи, каких можно себе вообразить. Еще один – их приспешник, который, по всей видимости, работает на них за очень большие деньги. Контролирующие, они ведь воруют все и везде, все гребут под себя – думаю, достаточно посмотреть на эту станцию, чтобы понять, что я говорю правду.

Учитель покивал.

– Еще один работает при них охранником, и, что греха таить, я его немножко потрепал.

– Почему?

– Так он напал на меня первым, – развел руками палач.

Вот сволочь!.. Ведь правду говорит! Снова и снова – правду! Оплачивалась ли работа Ри в качестве пилота? Скорее всего нет, но Стовер не сомневался – Контроль, если для станции все сложится удачно, в долгу не останется. Оплачи-

вალაშ ლი რაბოტა იტა ვ კაჩეშტე ოხრანნიკა? ტოჩნო ტაკ ჯე – რასპლათიმსია, კოგდა დოიდეშ.

– ნაპალ ნა ვაშ? – ს უჯასო სპროსილ უჩიტელი. უ ნეგო ვ გოლოვე, ვიდიმო, ნე უკლადывалось, კაკ ვოობშე მოჟნო ნაპაშტა ნა ტაკოგო მილოგო, ბეზაშჩიტნოგო ჩელოვეკა, კაკ დობრეიშჩი დიადია მიშა.

– ნაპალ, – გორეშტნო პოდტვერდილ პალაჩ. – ტოლკო პრი ეშომ ნე უჩელ, ჩო ი თოჟე ნე ლყომ შიტ ი პოდგოტოვლენ ხორშო. პოდრალისი ნემოჟკო...

– ი ჩემ დელო კონჩილოსი?

– რუკუ ი ემუ ვივუხნულ და პოცარაპალ სლეგკა, – ზასმეაღსია დიადია მიშა. – ჩო ჯ ი, ზვერუ კაკოი – მაღიჩიშკუ უბივატი? ონ, დუმაო, პო მოლოდოსტი და პო გლუპოსტი ვ ეშო ვსე პოპალ... ხოტია გერმო ვედ... ჩერტ იხ რაზბერეტ... მოჟეტ, ი ნაროჩნო... ვ ობშემ, ტამ ბილი ეტი დვოე. ნუ, ი ეშე ოდინ. ტო სამოე რასხოდნოე მიაშო.

– კო? – ნე პონიალ უჩიტელი.

– მიაშო, – ს ოტვრაშენიემ სკაზალ პალაჩ. – კოტორე ჩას ნაზად ი პუსტილი გრიაზი ნა კორმ. პარენუ ტამ ს ნიმი ბილ, თოჟე ნე ჩელოვეკ, გერმო, სუმაშედში, ბოღნოი ნა გოლოვუ. ვიდიმო, ინი ეგო ს სობოი დია ტოგო ი ტასკალი, ჩოტობი, ესლი კოგდა სოვსემ კრაი ბუდეტ, ტაკ ვოტ სპასტიშ.

– ინი უბილი სუმაშედშეგო? – ს უჯასო ვიდოხნულ უჩიტელი. – ბოღნოგო?!

– ნუ, ვი ჯე სამი ვიდელი, – პოდსკაზალ პალაჩ. – ტო, ჩო სო სტანციეი პრიოხოდოლო, ეშო ჯ... ეშო ტოლკო ნა კროვი რაბოტა-

ет. Вернее, на человеческих жизненных силах.

«Во врет, – подумалось Стоверу. – Даже я, даже при всем моем опыте, в жизни так врать не сумею. Ну, палач... ну, подлец... обожаю таких».

– Неужели им совсем не стыдно? – глупо спросил Учитель.

– Наверное, нет, – поддержал палача Стовер. – Да и зачем им это? Чего им стыдиться? Они, наверное, даже гордятся сейчас.

– Чем?..

– Ну как это чем? Считай, из рук смерти вырвались... – Стовер выразительно посмотрел на Учителя и решил добить его окончательно: – Выбросили небось труп в пространство да закатали пьянку на радостях.

Учитель закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Губы его беззвучно шевелились – видимо, он читал какую-то молитву. В дверь деликатно постучали, вернулся Ими-ран.

– Входи, мальчик, – позвал палач. – Ну, как наши успехи?

– Брат Хал и сестра Нудга согласны, – чуть запыхавшись, сообщил Ими-ран. – Учитель, с вами все в порядке?

– Да, мой мальчик. Ими, присядь с нами, пожалуйста, – попросил тот слабым голосом. – Говорят, что устами невинного ребенка глаголет Единый. Ими-ран, дорогой мой... Сейчас Микаэль сообщил мне вещи поистине чудовищные. – Голос Учителя дрогнул. – Помнишь, как мы с тобой спасали дерево, там, в лесу?

Ими-ран кивнул.

– Помнишь, мы говорили, что сборщик – очень плохой человек?

Снова кивок.

– Ну вот, мой мальчик... Оказывается, станция сейчас ушла благодаря тому, что люди, на ней находившиеся, совершили еще более страшный поступок. Мало того, что они уничтожили случайно три корабля... они еще злонамеренно убили больного человека, чтобы спастись самим.

Ими-ран молчал.

– Оказывается, явление, с которым мы имеем дело, еще страшнее, чем я предполагал. И теперь я понимаю, почему Великий потребовал, чтобы мы уничтожили станцию и ее пассажиров. И понимаю, почему уважаемый Микаэль тоже хочет...

– Я понимаю, Учитель. – Ими-ран покивал. – Я подготовлю команду. Только... пожалуйста, возьмите нас на беседу со Старшими Братьями! Мы... мы готовы идти куда угодно, но очень просим, чтобы и нас...

– Мальчик, если они позволят, конечно, возьму, – пообещал Учитель. Он был печален, но уже деловит и собран. – Иди, расскажи остальным.

– А кого они убили? – спросил Ими-ран.

– Микаэль, у вас есть какая-нибудь запись? – спросил Учитель.

– Есть, – кивнул Стовер. Отлично, вот это просто от-

лично! Хочешь подтверждения моих слов, дорогой неофит? Сейчас получишь...

В воздухе перед ним развернулась картинка – зал секторальной станции в тот момент, когда Стовер и его команда входили внутрь через открытый искином от катера проход. Картинка приблизилась и замерла. Стовер выделил фрагмент, где был Скрипач, и максимально приблизил.

– Вот этого, – указал он. – Вот этого они убили.

Момент Микаэль выбрал, что говорить, один из самых удачных – у Скрипача было растерянное, испуганное, совершенно детское лицо.

– Но он же человек, – с легким удивлением сказал Учитель.

– Только внешне, – успокоил Стовер. – На самом деле у него от человека не очень много.

– Расскажите про гермо, и про рауф расскажите, – попросил посерьезневший палач. – Расскажите, Микаэль. Это будет хорошим уроком... лекарством от излишнего альтруизма.

* * *

На деле все оказалось значительно сложнее. И заняло не часы, как рассчитывал Стовер, а дни.

Сначала Старшие Братья наводили порядок, разгоняя мешанину из кораблей по правильным локациям. Стовер за-

метил, что из кораблей, находящихся в пределах видимости, формируется ни много ни мало, а три весьма обширных флота. Потом оказалось, что это – не флоты, это всего лишь флагманы, а флоты будут уходить не отсюда, а из других локаций.

Учитель с гордостью озвучил численность одного флота, о котором ему стало известно. Услышав про девяносто с лишним тысяч кораблей, Стовер на мгновение потерял дар речи – о подобных силах он лишь встречал упоминания, но в жизни себе не представлял, что с таким флотом вообще можно встретиться в реальности. Это невыгодно со всех точек зрения – от экономической до политической. Что-то невозможное...

Потом выяснилось, что таких флотов формируется целых три.

После этого Стовер начал понимать, что секторальная станция, находясь здесь, сделала что-то очень серьезное, иначе зачем бросать такие силы на то, чтобы ее ловить. Его предположение полностью подтвердили Агор и Аран.

– Микаэль, ну вы сами подумайте, что можно прихватить с собой, находясь в гостях у дьявола? – с обычным невозмутимым видом спросил Аран. – Что-то, что сумели взять они и не сумеем взять мы, потому что мы – не Контроль?

– Понятия не имею, – огрызнулся Стовер.

– Имеете. Просто вы невнимательны.

– Слушайте. Мне надоело решать ваши кроссворды. Что

они украли?

– То, ради чего мы пойдём за ними хоть на край света, лишь бы получить возможность взглянуть на это что-то хоть одним глазком. И здесь нам этого точно не покажут.

– Что именно?!

– Ключ, мой дорогой. Настоящий ключ от «формулы дьявола». В нашем не хватает элементов. А этот – совершенен.

Потом последовало обращение Великого, и Стовер понял, что математики получают от него такие деньги совсем не зря – их предположение полностью подтвердилось. Правда, слова о «формуле дьявола», конечно, не звучали, и ситуация оказалась развернута диаметрально, но суть ее осталась именно такой, как предсказал Аран.

...Находясь милостью Единого и Великого у Мира Изначального, нечестивые проникли обманом в святая святых Великого...

...Их цель – не допустить царствия Единого во вселенной...

...Они обманом забрали у Великого образ глаз Единого...

...Они обманом же завладели сутью нашего великого учения...

...Станцию и ее экипаж необходимо уничтожить, потому что она угрожает своим существованием всему живому...

...Великий пострадал от их действий...

...Чтобы совершить побег, они убили одного из своих и с помощью грязного ритуала сбежали...

...Им нет прощения...

...Идите, дети мои, и выполняйте мою волю...

Стовер слушал этот благостный бред с непроницаемым выражением на лице, но про себя решил, что бред бредом, а дело – делом. Черт их знает, что там на самом деле произошло, на станции, думал он.

Может быть, они действительно от отчаяния кого-то кокнули.

Может, кто-то подставился сам.

Может, бросили жребий.

Но факт остается фактом – станция со всем экипажем благополучно удрала через Сеть, невероятно разозлив Великого и иже с ним. И тот, кто поймает ее первым, будет явно щедро награжден. Как минимум. А как максимум... нет, про максимум лучше не надо. Слишком уж фантастично.

А все-таки интересно, кого сейчас в экипаже не хватает? Ри? Маловероятно. Пилота точно пощадили. Значит, или Ит, или Скрипач. Стовер ухмыльнулся. Гермо... пушечное мясо... Кто-то из вас, котятки, кто-то из вас... Кто-то из вас валялся на полу, пытаясь запихнуть обратно вывалившиеся кишки, кто-то из вас двоих орал от дикой боли. И для кого-то из вас скорее всего на этом свете все уже кончилось.

Хотя... великие альтруисты Сэфес и Бард, вероятно, кинулись помогать. Вместе с пилотом. Да, вполне можно предположить такую возможность. Команда, на взгляд Стовера, была хоть и похуже его собственной, но тоже весьма недурна

– даже на поединок рауф и нэгаши смотреть было приятно. Достойно тогда развлеклись.

Итак...

Неплохая команда, которая, видимо, после выхода рванула поднимать чьи-то кишки с пола. Вместе с владельцем кишок и всего прочего.

Сколько человек или рауф может прожить после сетевого поражения? Стовер задумался. По косвенным данным вышло, что нисколько, но данные были именно что косвенные, и потом, подобных экспериментов – выход обычного живого человека в Сеть, – кажется, никто еще не проводил.

Хорошо, тогда гипотетически. Можно предположить, что тот, кто вывел станцию, остался жив. Пусть ненадолго. Что они попробуют сделать в этом случае?

– О чем задумались, Микаэль? – спросил Грегори.

– Да вот... Смотри, что получается. Станцию вывел кто-то из гермо, я полагаю. Мог он остаться после этого в живых?

– Не думаю, – поморщился Грегори.

– А я думаю, что мог – если бы, допустим, ему сразу начали оказывать помощь, – заметил Стовер. Грегори с сомнением кивнул. – Грег, я просто рассуждаю, не более того. Если тот, кто вывел, остался жив – куда пойдет станция? По прежнему маршруту или...

– А, вот вы о чем. – Лицо того прояснилось. – Тогда возможны два варианта. Или к базе, где могут помочь...

– База отпадает. Агор и Аран смотрели – там дикая каша,

и всего три варианта прохода. Куда они идут, уже понятно.

– А на какую базу они могут идти?

– Орин. И только Орин. Это самая большая и развитая база Контроля из ныне доступных. Но если не на базу, то куда?

Грегори наморщил лоб и беспомощно посмотрел на Стовера.

– Фу ты, что-то простые загадки у вас сегодня, – заметил Клайд, сидящий поодаль. – Даже до меня и то дошло.

– Ну-ка? – приподнял бровь Стовер.

– И думать нечего. К Аарн они рванули. Может, нам дорога и неизвестна, а им – за милую душу, – усмехнулся ксенолог.

– Аарн? А разве они могут чем-то помочь при сетевом поражении? – удивился Грегори. – По-моему, они такими вещами не занимаются.

– Были прецеденты, были. Вы просто не в курсе. Бардам они неоднократно помогали. По поводу Сэфес не скажу, не слышал, но про Бардов известно доподлинно.

– Замечательно, Клайд, – похвалил Стовер. – Значит, они сейчас...

– С высокой долей вероятности на территории Ордена, – покивал ксенолог. – Одна нечисть, знаете ли, всегда найдет общий язык с другой.

– Одной проблемой меньше, – сказал Агор, который, оказавшись, тоже слушал беседу. – Если это действительно так,

то поиск сильно упрощается.

– Почему? – спросил Стовер. – Территория Ордена огромна...

– Она находится в другой вселенной, и входы туда – порталы. А число порталов, уважаемый Микаэль, нам отлично известно, – с достоинством сообщил математик. – Да и вычислить тот портал, через который прошла станция, не составит особого труда. С выходом сложнее, но тоже решаемо.

– Это как же?

– Ерунда, – отмахнулся математик. – Решаемо, поверьте. Достаточно узнать, возле какого из порталов вдруг резко возросла активность.

– А если их будет несколько? – прищурился Стовер.

– Это еще упрощает дело.

– Хорошо, – сдался он. – Допустим, мы вычислим, куда станция вошла и откуда выйдет. Что дальше?

– Дальше мы садимся ей на хвост...

– Снова?

– Снова. И ждем подходящего случая.

– А если вместе со станцией выйдет один из кораблей Аарн в качестве сопровождения? – ехидно поинтересовался Микаэль. – Дварх-крейсер или даже боевая станция? Вы допускаете такой вариант, Агор?

– Допускаю, – кивнул математик. – Но как наименее вероятный.

– Почему? – с интересом спросил Клайд.

Агор косо и неприязненно посмотрел на него.

– Элементарная логика. Станция вполне может себя защитить, и она гораздо более мобильна, чем любой дварх-крейсер. Она...

– Мобильнее, чем дварх-крейсер? – засомневался Стовер.

– В разы, – серьезно подтвердил Агор. – Им придется действовать скрытно, я думаю. По ряду причин – но именно скрытно. Они идут на Орин, это мы уже поняли. Следовательно, им совсем не надо привлекать к себе внимание. Вы согласны с этим утверждением?

Стовер задумчиво кивнул.

– Если Аарн и пойдут с ними, то лишь на самой станции. Но... – Агор наставительно поднял палец. – Но! Я не думаю, что Бард и Сэфес согласятся на это. Если погибнет кто-то из Ордена... Орден – это вам не беззубый Контроль. Орден силен, и Орден мстит. Очень даже мстит. Надо ли им портить отношения с такими соседями?

– А ведь верно, – нахмурился Стовер. – Вот это запросто может быть!

– Скорее всего оно так и есть. Я, кстати, не думаю, что гермо, проведший этот маневр, выжил. И это, вне всякого сомнения, был не Скрипач. Это был Ит, – уверенно сказал Агор. – Скрипач, к сожалению, на такую роль никак не тянет. Так что это именно Ит... Может быть, Микаэль, вы тогда ошиблись, не добив его. Это было бы гораздо гуманнее.

Микаэль задумчиво потер переносицу.

– Ладно, – кивнул он. – Примем сказанное тут за аксиому. Что из этого следует? Что надо собирать маленькую армию и двигаться на поиски. Армия Великого пусть себе рыскает на здоровье, где ей хочется, а мы, следуя тому, что сейчас вывели, будем действовать самостоятельно.

– Если нас отпустят, – хмыкнул Клайд.

– Отпустят, куда денутся. Мы для них большой ценности не представляем, – отозвался Стовер. – Но я бы хотел, чтобы о наших перемещениях Братство не знало.

– Вы думаете, что это возможно? – Весь вид Клайда выражал сомнение.

– Надеюсь. – Стовер задумался. – Понимаете ли, мне бы не хотелось, чтобы станция и ее экипаж достались Великому. Они должны достаться нам. А дальше мы решим, что делать. Возможно, Великий и получит то, что хочет вернуть. Но уже от нас.

– Но как этого добиться? – поинтересовался Грегори.

– Думать, Грег, думать. Вы меня знаете – я никогда не играл по чужим правилам. Только по своим. И сейчас я тоже буду играть по своим правилам, чего бы мне это ни стоило.

* * *

На деле все оказалось не столь просто, конечно.

Для начала их, правда, вместе с еще полутора десятками человек, вызвал к себе сам Великий. Стовер, впервые очу-

тившийся в Белом городе, был приятно удивлен – в принципе, он ожидал чего-то подобного, но никак не думал, что реализация окажется настолько качественной.

«Если бы Теуш и другие придурки из Антиконтроля думали головой, вместо того чтобы бесконечно заседать, у нас бы тоже было что-то подобное, – раздраженно размышлял Стовер. – Вот она, альтернатива, которую можно предложить людям. Да какая!.. Торговать всеобщим счастьем надо грамотно, а тут счастье подается в том виде, в котором оно обязательно вызовет отклик в душе практически у любого. Хотите бога? Пожалуйста! Хотите посмотреть, как он живет? Смотрите и падайте ниц от восхищения. Хотите всего этого для себя? Добро пожаловать в ряды».

Тут тоже шла игра, куда же без нее.

Но если в других случаях Стоверу чаще всего приходилось наблюдать игру на чувствах скрытных, изменных, то сейчас он видел, как можно более чем успешно играть, пользуясь самыми лучшими качествами человеческой душонки. Доброта, красота, тяга к совершенству, счастье, мир...

«Ай да Великий, – подумалось Стоверу, когда он вместе с остальными поднимался на самый высокий этаж самого высокого здания. – Пожалуй, это можно взять на вооружение».

В овальном зале прибывшие чинно расселись в мягкие кресла, и буквально через минуту к ним присоединился тот, ради кого они собрались. Великий вышел из неприметной двери (за нею мелькнул и пропал ослепительно-белый свет)

и сел во главу стола.

Выглядел он печальным и задумчивым. Стовер, уже слышанный от адептов об облике этого человека, снова был приятно поражен. Ах, какой образ! Ведь к чему-то подобному стремился и он сам, особенно во время операции «Террана», – но до такого совершенства ему было очень и очень далеко.

Если Стовер в созданном им самим образе все-таки играл, то Великий, вне всякого сомнения, был отличным актером и в этом образе жил.

С минуту Великий сидел за столом, низко опустив голову. Все почтительно молчали. Наконец он поднял глаза и молча обвел взглядом всех присутствующих. Кажется, они от трепета даже перестали дышать.

– Дети мои... Дорогие мои дети, братья и сестры, а также уважаемые гости, – взгляд скользнул по Стоверу и Грегори. – Я собрал вас здесь потому, что у нас случилась беда.

Тихий и бесконечно печальный голос. Пауза. Ожидание становится томительным, и воздух в зале, кажется, звенит от напряжения.

– Все вы знаете, что нести в мир дело и слово Единого – тяжелая и непростая работа, – продолжил Великий столь же негромко и проникновенно. – Все вы прошли через беды и лишения на пути к всеобщему счастью. А сейчас нашему счастью угрожает еще бóльшая опасность.

Снова пауза.

Интересно, кто первым не выдержит?

Разумеется, одна из трех женщин – сестра Нудга, собственной персоной. Маленькая, худенькая, сероглазая. Ручки-веточки, полупрозрачная кожа, пепельные волосы – не поймешь, то ли шатенка, то ли блондинка. Из таких получаются самые оголтелые фанатички, Стовер в этом убеждался не раз. При любой религии, при любом деле существуют такие женщины. Ни грамма косметики, глаза навывкате, острый нос, в лице всегда какая-то нездоровая исступленность. В Славнии, на Терране, такие же повязывались платком по самые глаза, благообразно прижимали к себе детей и вещали о добром боге, в Аларике – брали в руки плакаты с идиотским текстом и проповедовали на улицах. Эта – не исключение. Вот только почему у них вечно сальные волосы, и откуда берется совершенно одинаковый мерзкий запах – словно они по несколько дней не моются?..

– Великий, мы страшно огорчены, – сестра Нудга чуть не плакала. – Но как же это случилось? И что мы можем сделать, чтобы все исправить?

– Дочь моя, сейчас я расскажу вам то, что другим знать не положено – их умы слишком хрупки и просто не выдержат. Вы – одни из самых сильных моих детей, из самых смелых, из самых мудрых...

«Интересно, а как же Старшие Братья? – Стовер усмехнулся про себя. – Они не самые мудрые, выходит?»

– Даже Старшим Братьям я не сказал того, что сейчас ска-

жу вам, – продолжил Великий.

«Ловко, – одобрил про себя Микаэль. – В логике ему не откажешь».

– Старшие Братья имеют слишком ранимые души, для них эта информация будет губительна. Из всех моих возлюбленных детей только вы сумеете вынести тяжкий груз.

Учитель, сестра Нудга, брат Хал и еще с полдесятка человек синхронно кивнули. Да, лесть – великая вещь. Особенно если ею грамотно и своевременно пользоваться.

– Итак, уважаемый Учитель, наш дорогой гость Микаэль и корабли под началом дорогой моей сестры Нудги и брата Хала сумели привести к Миру Изначальному средоточие зла, называемое секторальной станцией. – Голос Великого окреп и звучал теперь по-деловому сухо и сдержанно. – Честь вам и хвала за то, что вы сделали! И вы нисколько не виноваты в том, что произошло. Виноват... – снова пауза, снова ожидание. – Виноват я сам.

Общий вздох.

– Да, мои дорогие. Виноват я сам. Я был слишком добр и беспечен. Я пытался донести до их умов слово Единого. Я проповедовал им. Я искренне считал, что любому разумному существу можно подарить истинный свет добра и счастья. Я заблуждался, дети мои! Я избрал мерилom наши с вами идеалы, наш путь. Это и было моей главной ошибкой.

Сестра Нудга и другие женщины вытирали глаза. Брат Хал и Учитель с горечью смотрели на Великого. Стовер тоже

смотрел, но иначе – с ожиданием. Ему было интересно, что же будет дальше.

– И случилось страшное. Дети мои, случилось то, что не должно было случиться. Нечестивые проникли в мое святая святых, напустив на меня обманный морок – сумасшедший оказался вовсе не сумасшедшим, он оказался тайным оружием, направленным против всего, что дорого вам и мне.

«Значит, все-таки Скрипач, – удивился Стовер. – Да, гермо недооценили не только на Маданге. Сильно. Вот это действительно сильно. Экипажу секторальной станции я бы тоже дал посмертно пару-тройку медалей – за находчивость. Жаль, что после такого Великий их точно прикончит».

– Тот, кого я, по наивности и доброте своей, принял за сумасшедшего, оказался вместилищем древнего и наиподлейшего зла из всех возможных, – продолжил Великий. – Сам дьявол побывал у нас в гостях, дети мои.

«Не слишком ли круто для полоумного гермо? – Стовер нахмурился. – Что-то не так».

– Сумасшедший и сам не знал, что сидит у него внутри и что управляет им. Я понял это слишком поздно. Как только понял – тут же приказал уничтожить это средоточие зла. Но мы не успели, дети мои. И это – снова моя вина. По милости своей я поддался на их просьбу дать час на прощание. Не надо было давать этого часа! Я страшно виноват, страшно!

– Что же сделал этот дьявол? – подался вперед брат Хал.

– Добрый мой брат Хал, ты можешь и сам догадаться.

Зло всегда боролось с добром. Всегда старалось его уничтожить, исказить. Единый, истинный его образ, есть средоточие добра – и тот, кого я принял за сумасшедшего, сумел обманом взглянуть на добро моими глазами. И возвеличить, и уничтожить можно лишь тогда, когда знаешь истину. Понимаешь, что произошло? Понимаешь, что может еще произойти?

Брат Хал кивнул, впрочем, без особой уверенности. Туповат, что с него взять. Временами вроде бы неплохо соотносится (Стовер имел возможность в этом убедиться), но временами – просто-таки поражает своей недалекостью. Остальные неофиты, впрочем, немногим лучше.

– Имея у себя образ Единого, зная, как он вошел в этот мир, зная, как мы несем добро, зло сумеет воздействовать своим обманом на самые уязвимые наши точки. Зная истину, ее можно исказить, извратить. А именно это и нужно дьяволу! Поэтому мы должны приложить все усилия, чтобы не допустить такого развития событий.

Все закивали.

«Чушь какая-то, – мелькнула у Стовера неприязненная мысль. – Какие, к черту, уязвимые точки у абсолютно добра? Впрочем, как я погляжу, данная трактовка всех устраивает».

– Уважаемый Микаэль, – вдруг сказал Великий. Стовер невольно вздрогнул. – Я вижу, что мои слова вызывают у вас сомнение и недоверие. Мало того, что вы до сих пор сомне-

ваетесь в благости нашего дела, но вы и сейчас подвергаете мои слова сомнению. Я прошу вас – если у вас что-то есть, то скажите об этом прямо. Я не хочу недомолвок и обмана. Говорите, пожалуйста. Мы слушаем. Мы ждем.

«А вот это действительно лихо, – с невольным уважением подумал «уважаемый Микаэль». – Жаль, что палача тут нет. Он бы стоя аплодировал за такое использование телепатии».

– Что ж, хорошо, – кивнул он. – Да, у меня действительно есть сомнения. Но не в ваших словах, Великий, а в сути этих слов. Мне кажется, что сказанное вами вполне можно выразить не столь эмоционально. Можно сделать это с помощью теории.

Великий кивнул и улыбнулся – открыто и доброжелательно.

– Можно, – согласился он.

– У меня получается следующее. Твари, которые шли на секторальной станции, попросту нагло обокрали вас. Обокрали и сбежали с краденым. Если отвлечься от эмоциональной стороны вопроса, остается итог – украденное нужно вернуть, а станцию и ее экипаж – уничтожить, потому что их существование стало небезопасно не только для Братства, но и для остальных живущих. Я прав?

Великий снова кивнул.

– Я, может, и не дошел еще до сути вашей веры, но опасность для мироздания осознаю целиком и полностью, – заверил Стовер. – Но на одну и ту же вещь можно смотреть с

разных сторон, суть от этого не меняется. А суть проста – станции на этом свете явно не место.

– Да, вы правы, уважаемый Микаэль, – опять улыбнулся Великий. – Смотреть действительно можно по-разному, а правда все равно всегда одна.

– Скажите, Великий, а все-таки... что именно они украли у вас? – Стовер подивился собственной наглости, но, в принципе, терять ему было нечего. – Я вам верю, что это что-то важное. Но я не понимаю, что именно. И мне было бы значительно проще жить, знай я, что я буду искать.

– А вы будете искать? – пристально посмотрел на него Великий.

– Разумеется! Конечно, буду!.. Тут и думать не о чем. Искать я буду в любом случае и уничтожу эту заразу при первой же возможности. Но я хочу знать, ради чего я и моя команда станем рисковать собой.

– Если вы хотите теоретическое обоснование, то вот оно. Есть, если вам угодно, алгоритм, сообразуясь с которым пришел в наш мир Единый. Была последовательность его действий, были люди, которые помогли ему, облегчили его путь. В момент входа в мир Единый на тысячную долю секунды был уязвим. Он был открыт миру полностью, а мир был открыт ему. Поверьте, это была поистине божественная и великая картина...

– И эту картину у вас украл этот псих? – с сомнением спросил Стовер.

– Не псих, уважаемый Микаэль. Не псих, а дьявол, сидевший у него внутри. И сейчас, я думаю, они стремятся туда, где находится средоточие дьявола, чтобы...

Великий не договорил, осекся. На лице его появилась вселенская скорбь. Сестра Нудга снова тихо заплакала. У Стовера заломило зубы от этой патетики, но он все-таки сдержался.

– Микаэль, у вас есть идеи – куда они могли отправиться? – спросил Великий.

«Сволочь! – мысленно выругался Стовер. – Так я тебе и сказал. Хотя... почему бы и нет?»

– Мысль есть. Моя команда и я считаем, что станция ушла на территорию так называемого Ордена Аарн, – сообщил он. – Дьявол этот рыжий сумасшедший или не дьявол, но от того, что он сделал, он очень сильно пострадал, если не погиб. Вернее, пострадала его физическая оболочка. Экипаж станции обязательно попытается его спасти, в этом я не сомневаюсь. Но умения и знания им для этого не хватит. Значит, они пойдут туда, где им сумеют оказать необходимую помощь.

«Вот и отлично. Пусть Братство бодается с Аарн, а мы в это время тихонько пойдём туда, куда нам надо, и возьмем то, что желаем. – Стовер продолжал невозмутимо смотреть на Великого. – Тем более что я сказал правду – озвучил им предположение Агора. Просто не целиком».

– Значит, вы считаете, что станция ушла в ту нечистую

вселенную, – медленно сказал Великий. Задумался. – Да, в этом присутствует смысл...

– У меня есть встречное предложение, – продолжил Стовер. – Скорее всего, станция на территории Ордена. Но существует небольшая вероятность, что она может оказаться где-то еще. Поэтому... я прошу вас, Великий, о милости. Разрешите моей команде самостоятельно поискать станцию. И отрядите нам в помощь корабли. Немного. Двух-трех будет достаточно.

Великий смотрел на Стовера серьезно и пристально, и вот тут он понял – игры закончились. Тварь (а то, что Великий – не человек, Микаэль понял почти сразу) хотела жить. И понимала – чтобы жить, надо цепляться за любую возможность. Ни Стовер, ни его команда, конечно, не представляли для нее угрозы (пока), но сейчас тварь искала любую лазейку, любую зацепку...

«Ну? – раздраженно думал Стовер. – Ты же сам понимаешь – со мной пойдут неофиты. Если я что-то сделаю не так, они тут же сотрут меня в порошок. Ты ничем не рискуешь. Ничем! Соглашайся же!.. Давай! Может быть, мы с тобой и разные, но одно общее у нас есть – мы оба хотим жить и готовы землю зубами грызть для этого. Соглашайся! Вероятность того, что мы найдем станцию первыми, исчезающе мала, и радость победы скорее всего достанется не нам, можешь не переживать на этот счет».

– Хорошо, – твердо сказал Великий. – Я принимаю ва-

ше предложение, уважаемый Микаэль. С вами отправятся три корабля. Пойдет брат Хал, пойдет сестра Нудга, и пойдет Учитель. Сначала, конечно, отправятся флоты...

«Ну, разумеется, – сардонически усмехнулся Стовер. – Вдруг вкусная конфета валяется под самым носом, а найдем ее первыми мы? Это никуда не годится. Конфеты раздаются по старшинству, как заведено».

– ...потом, по истечении семи дней, отправитесь вы. Дети мои! – В голосе Великого снова зазвучала прежняя медовая благодность. – Надеюсь, вы понимаете, какая ответственность ляжет на ваши плечи и какой опасности вы себя подвергнете. Будьте предельно осторожны и внимательны. И попробуйте объяснить будущему нашему брату Микаэлю, что не нужно искать двойное дно там, где его нет. – Он светло улыбнулся и едва заметно подмигнул Стоверу. – Открою вам еще одну тайну. Я и сам буду искать этих проклятых. И положу на это столько сил, сколько у меня есть.

«Вот это номер! – Стовер задумчиво посмотрел на Великого, тот ответил ему безмятежным и добрым взглядом. – Интересно, как?»

– Я не отправлюсь с вами, дети мои, у меня слишком много дел здесь. Но я буду беспрестанно и непрерывно молить Единого о великой его милости – даровать мне возможность дотянуться до зла и уничтожить силой его двуединой воли. Если Единый дарует мне эту милость, я отзову поиски.

– Слава Единому... – пробормотала сестра Нудга.

– Истинно так, – согласился брат Хал.

– К сожалению, более я не могу с вами оставаться, – Великий встал, остальные тут же поднялись следом. – Идите, мои дорогие. Идите. Душою я пребываю с вами.

Он повернулся и вышел.

– Как чистой воды испили, как к свету прикоснулись, – благоговейно прошептала сестра Нудга.

«Чувствую, достанешь ты меня, сука, – внутренне скривился Стовер. – Ладно, окорочу. И не таких окорачивал».

* * *

Через неделю они отправились. Флоты к тому моменту покинули пределы Мира Изначального, но кораблей все равно было в избытке – по косвенным данным, которые сумели правдами и неправдами добыть Агор и Аран, в замкнутом, закапсулированном пространстве их находилось несколько миллионов. По словам все тех же математиков, скрутка пространства, центром которого являлся Изначальный, представляла собой помесь между замкнутой и отделенной от всего сущего временной капсулой, очень похожей на ту, что была использована Официальной службой при капсуляции Маданги, и вселенной Ордена, тоже изолированной от обычной вселенной. Плюс к тому – от этого пространства была начисто отрезана Сеть.

Только если капсулу, подобную капсуле Маданги, находя-

щимся в ней разомкнуть было невозможно, эта открывалась там и тогда, когда требовалось. Зная о существовании капсулы, ее, вероятно, можно было бы найти. Но – лишь зная. Если учесть, что о существовании Братства в простой вселенной только-только начинают догадываться отдельные светлые головы.

«Как же все-таки станция сумела вырваться из этой западни? – размышлял Стовер. – Это не просто перемещение. Это еще и колоссальный по энергозатрате бросок через время. Надо будет поинтересоваться у Агора и Арана, что они думают на этот счет».

Сейчас тандем из трех кораблей Братства и катера шел к одному из выходов за пределы зоны капсуляции. Портал прохода – сияющий зеленым огнем овал – висел в пустоте перед ними. Корабль Учителя, идущий первым, на несколько секунд замер перед ним, потом корабль-оператор, висящий рядом с порталом, подал сигнал – и корабль Учителя канул в огненное марево.

– Микаэль, вы думаете о том же, о чем я? – спросил палач.

– Не знаю, – отмахнулся Стовер. – А о чем вы думаете?

– О своих интересах, разумеется. Я думаю, что в любом случае мы не прогадаем. Даже если не найдем станцию, – хихикнул дядя Миша. – Если вы сумеете убедить идиотов на кораблях, что надо прибрать к рукам пару-тройку миров, конечно, исключительно во славу Единого, то никакая станция нам к черту не сдалась.

– Нет, я думаю совсем о другом, – неприязненно скрипелся Стовер. – Я думаю, что впервые за все время начинаю уважать своих врагов. Потому что первый раз в жизни мне встретились враги достойные...

– Пфэ, – поморщился палач. – Неужели вы всерьез? Ерунда это все, Микаэль. Достойные, недостойные... Врагов надо уничтожать. Вот и весь сказ.

– Одно другому не мешает, – тихо ответил Стовер. – Но человека, который вывел отсюда станцию, я не уважать не могу.

– Человека или гермо? – прищурился палач.

– Не важно.

– Мне – важно, Микаэль. Если человека я уважать еще смог бы, то рауф – никогда в жизни. Однако не будем ссориться на эту тему. Сейчас не время.

– Да, это вы правы. Сейчас действительно не время...

Секторальная станция

Тень от тени

– А когда мечта сбывается, это не скучно?

Даша посмотрела на Скрипача с удивлением.

– Мне нет, – осторожно ответила она. – А почему ты спросил?

– Просто подумал. Представил себе на секунду – вот ты живешь, мучаешься, смотришь вперед с надеждой, веришь во что-то. И вдруг – раз! И мечта здесь. Твоя собственная. О совершенном мире, о любви, о свободе.

– Все равно не очень понимаю, – с сомнением в голосе заметила целительница.

– Я бы растерялся, – подытожил Скрипач. – Я бы не знал, что с этой мечтой делать.

Даша села поудобнее, повернулась к Скрипачу. Усмехнулась уголками губ и стала еще больше похожа на Марию. Он потупился.

– Я в ней просто живу. В мечте. И, знаешь, мне хорошо. Мне очень хорошо, рыжий. Единственное, что огорчает меня, – так это то, что мечтой невозможно поделиться со всеми, с кем хотелось бы. Невозможно сделать боль меньше для всех. Спасти всех. Вылечить всех. Дать всем шанс. Устройство мира отличается от мечты, и не в лучшую сторону.

– Тогда это не мечта, – упрямо заявил Скрипач.

– И что же это такое?

– А хрен его знает...

Третьи сутки станция шла по опорным точкам, пробираясь по индиго-сиуру, в который ее вывел Ри после долго совещания с Кержаком. Это был совсем не тот сиур, из которого они зашли на территорию Ордена. Он принадлежал к совершенно иной логической связке. Кержак настоял, чтобы они поступили именно так, и оказался прав.

Старый маг дал несколько более чем дельных советов.

– Если блэки играют нечестно, – говорил он, – то вы тоже должны играть в полную силу. Что ты жмешься, пилот? Что скромничаешь? В Индиго они вас поймают очень быстро. Если и дальше тащиться от точки к точке, ты будешь им виден как на ладони. И твои ходы просчитать сможет любой. Вон, даже Стовер, и тот просчитал. Действуй иначе, отойди от законов, которым до сих пор следовал. Ты привык к логике, принятой в Индиго. Но ты же не Бард! Ты человек и помни про это. Барда бы они не поймали, будь он здоров, полон сил и имей он цель сбежать по тем схемам, что приняты у Бардов. Почему? Да он бы действовал в тысячу раз быстрее. А ты медленнее, поэтому вычислить тебя проще.

Зато у тебя есть огромное преимущество.

Ты – человек, пилот.

Ты не привязан к нормам. Ты не привязан к Индиго или Мадженте. Ты во сто крат свободнее любого Контролиру-

ющего, пусть и действуешь во много раз медленнее, чем они. Впрочем, и противник тебе достался не самый быстрый. Злой, подлый, лживый, но при этом – действующий на такой же скорости, как и ты.

Реакция была мгновенной лишь в начале, сейчас она замедлилась. Мы пришли к выводу, что блэки готовят новый удар. Помнишь, дьявол сказал, что корабли им скоро станут не нужны? Да, они готовят удар, но пока он еще не нанесен, вы должны успеть до того, как они снова начнут перекраивать пространство.

Пройдешь этот сиур, выходи в Мадженту. Используй ее логику, ее законы. Ит тебе поможет. Дай ему несколько дней, чтобы прийти в себя, и увидишь – все получится. Парень отлично соображает, просто сейчас он не в себе из-за друга, но это пройдет. Подбадривай его по мере сил – в отличие от тебя, он в себя не верит. Видимо, его так воспитали. Покажи ему, что он может быть прав, дай раскрыться. В Мадженте его интуиция будет незаменимой.

И про Скрипача не забывай. Станцию вывел именно он, и, судя по тому, что говорит Баг, построение, которым он воспользовался, было маджентовское. Да, парень не в лучшем виде, он едва жив, поэтому большой помощи не жди, но голова у него светлая – советуйся, спрашивай, он будет только рад этому.

Вы трое очень странные, пилот. У вас явно есть что-то общее, но даже я не могу увидеть, что именно. Даша видит в

вас одно, я другое. Что она видит, она сама потом расскажет. А я тебе вот что скажу – для меня ты как древесный ствол на срезе. Много-много годовых колец, и где-то там, далеко, сердцевина. У тебя этих колец вообще без счета. Я знаю, что сердцевина есть, но не вижу ее. Догадываюсь, кто мог бы увидеть... только догадываюсь. Возможно, это они привели вас сюда – те, кто знают, кто вы трое на самом деле.

Учти, дьявол это тоже сумел увидеть.

А когда увидел – принял решение уничтожить вас, сразу же, незамедлительно. Он испугался, Ри. Испугался, когда сообразил, что вы тоже не то, чем кажетесь. Ни тебе, ни Иту обмануть его не удалось. Только Скрипач сумел это сделать... но почему-то мне кажется, что ему в этом помогли. Впрочем, сейчас это уже не важно.

И еще, пилот. Верь своему сердцу. Верь своей интуиции. Слушай живых. Помни, что Бард и Сэфес, которые находятся с вами, погибли. Относись к ним с должным почтением, помогай, будь с ними ласков и добр. Но слушать нужно живых.

Вспомни, Ри. Вспомни. Они уже ошибались. Они ошиблись на Маданге, когда вы все в результате попали в плен. Они ошиблись, когда станцию едва не погубила Мария. Они ошиблись, когда вы были у дьявола. Разреши им давать советы, но думай прежде всего своей головой и слушай живых.

Мне жаль их, пилот. Очень жаль. Как жаль любое другое живое существо, которое убито столь страшно и жестоко, как

это произошло с ними. Очень жаль Барда, который мог бы стать учителем для других, мудрым и сильным. Очень жаль Сэфес, которые погибли совсем молодыми, не успев толком пожить. Но важны не они сами, пилот, а то, что в них находится.

Скажу больше – они сами понимают то, о чем я тебе сейчас рассказал. Они уходят в глубь станции и там пытаются как-то стабилизировать свои тела, просто для того, чтобы не пугать вас. Тот процесс, который происходит с ними и о котором говорил тебе искин, пошел значительно быстрее. Они держатся в физических телах из последних сил, те разрушаются стремительно. Могу только представить себе, что они сейчас переживают. Ты обратил внимание, что я старался избегать их по мере сил и возможности? Пилот, даже я не мог вынести того горя, которое окружает их. От такой тоски впопугу сойти с ума.

А помочь им можете только вы, трое. Одно-единственное сможет дать им радость и удовлетворение – если то, что они несут в себе, достигнет цели. Тогда их души смогут упокоиться с миром. Впрочем, я допускаю, что существует еще одна возможность для них троих, но она настолько фантастична и нереальна, что я не рискну про нее говорить.

Пилот, у вас троих в руках находится сейчас самое главное – ключи от нашей общей надежды. А я в вас верю. Да, ваш путь труден и непрост, но вы должны справиться.

Торопитесь. Время не ждет.

Знаешь, Ри, мне кажется, мы еще встретимся. Ты назвал меня учителем, и я это услышал, мальчик. Такие слова просто так не произносятся, уж поверь, я знаю...

* * *

Даша, попав на станцию, поняла, что работы ей предстоит в десять раз больше, чем она изначально планировала. Узнав, как все это время жили «эти психи», она пришла в ужас и принялась железной рукой наводить порядок.

– Где ты спал?

– Ну... – Ри замялся. – Вон там, например.

И указал в угол зала управления, где за занавеской находилась его кровать. То есть она там находилась, когда пилот вообще вспоминал о ее существовании. Сейчас, к примеру, в углу было пусто. Даша нахмурилась.

– Замечательно, – усмехнулась она. – А вы?

Оба Сэфес с легким удивлением посмотрели друг на друга.

– Э-э-э... да так... где получалось, – ответил Леон не слишком уверенно.

– Я один раз спал в катере, – добавил Морис. – Они так разорались, что я не выдержал и от них сбежал.

– Таенн?

– А что – сразу Таенн? – возмутился Бард. – Вон у меня кресло там, любимое. Синее, бархатное, которое рядом со

столиком.

– С тем столиком, на котором бутылки? – уточнила Даша.

– Ага, – кивнул Бард. – А что?

– Да, действительно, «а что». Да ничего. Вот только я не понимаю, почему нельзя сделать нормальные условия для жизни, если есть такая возможность? Для чего это? Для скорейшего саморазрушения, что ли?

– Ну... мы как-то не задумывались об этом, – протянул Ит.

– Да уж, это я заметила. Где вы со Скрипачом спали?

– В медблоке, – отрапортовал Ит.

– Почему?!

– Как-то само так получилось. Мы там были после Маданги... а потом я попросил искина сдвинуть оба постамента к стене, он и сдвинул...

– Все понятно. Вот что я вам скажу. То, что вы сейчас продемонстрировали, – крайняя степень лени. Вы все... да, все! Скрипач, тебя это тоже касается... вы все шестеро – отпетые лентяи, каких свет не видывал! А если бы не искин, вы вообще заросли бы грязью по самые уши. Что это такое? Нет, ну что это такое?! Почему ни одному из вас даже в голову не пришло попросить сделать себе нормальную каюту?! Трехкилометровая станция, а вы сбились в кучу на ста пятидесяти квадратных метрах и ходите мыться в медблок, причем по очереди!..

– Еще скажите «спасибо», сударыня, что вообще ходят, –

проворчал искин. – Не напоминал бы, и не ходили бы, наверное.

– Вот еще ты влезь, железяка, – с неприязнью буркнул Таенн.

– И влезу! – возмутился тот. – Даша права.

– Искин, для начала сделай, пожалуйста, нам всем нормальные каюты с выходом в зал управления, – попросила Даша. – Нормальные – это значит с ванными, с кроватями, со всем, чем положено. Сэфес – одну на двоих, Скрипачу и Иту – тоже.

– Запросто. Давно бы так.

– Хорошо, с этим мы разобрались. Дальше. Любой алкоголь – только при необходимости. Вот это безобразие, – Даша указала на столик, уставленный бутылками, – убрать немедленно.

– Слушаюсь и повинуюсь, сударыня! – с проникновенным восторгом шепнул искин. – Давно я об этом мечтал.

– За что?! – горестно возопил Таенн. – Подохнуть нормально не дадут! Уважаемая, ну какая вам разница, пьют трупы или не пьют, а?.. Что от этого изменится?!

– Многое, – серьезно проговорила целительница. – После того как вы все приведете себя в порядок, по очереди – ко мне в каюту, пожалуйста. Говорить с каждым буду отдельно. Да, пока не забыла. Морис, Леон, что именно вы делали с телами?

– С чьими? – мрачно поинтересовался Леон.

– Со своими, естественно. Мертвые в стасисе, им, увы, уже ничем не поможешь. Что делал с собой Таенн, я поняла, но вы, кажется, придумали какую-то другую схему. Это так?

– Да, – подтвердил Морис.

– По-моему, возможен лучший вариант. Пока что не делайте ничего, поговорим и подумаем, что можно изменить.

Леон кивнул. Даша улыбнулась всем и ушла в свою каюту, дверь в которую открыл перед ней искин.

– Командирша. Или командорша, – уныло пробормотал Таенн. – Все, мужики, кончилась наша спокойная жизнь.

– А у нас была спокойная жизнь? – недоверчиво спросил Ри.

– Ты не поверишь, но да, была. – Бард почесал затылок, хмыкнул. – Это что же получается? Мне теперь ради каждой рюмки по всей станции прятаться придется, что ли?

– Видимо, да, – пожал плечами Ит. – Ладно, вы как хотите, а мы пошли к себе. Искин, куда нам?

– Сюда, – перед Итом и Скрипачом открылась дверь. – Господи, неужели в этом гадюшнике наконец-то будет хотя бы подобие порядка?..

* * *

В своей каюте Даша села на спальную платформу и замерла. Каюта имела практически привычный вид – искин постарался и почти угодил, вот только с цветом стен промахнулся,

но всегда можно попросить исправить.

Впрочем, сейчас Даше было не до стен. Когда она вызвалась отправиться вместе со станцией, она понимала, что будет тяжело. Но не предполагала, что настолько. Эти люди... Да какие, к Проклятому, люди?! Ни одного человека, кроме нее, на секторальной станции не было. А от того, что она видела, становилось дурно – Даша, как и любой Аарн, являлась абсолютным эмпатом, и ощущать такие страдания ей было невероятно больно. Кроме того, она была способна видеть то, чего не видели другие, и от этого становилось совсем уже плохо. Целительница Душ едва слышно всхлипнула. Нет, нельзя. Очень хочется расплакаться, но нельзя. Нужно быть сильной, ей ли того не знать.

Бард и Сэфес... Господи, за что?! Это было просто страшно. Да, остановить разложение в самом начале они все-таки сумели, но Даша, обладающая многоуровневым зрением, видела одновременно все проекции, которыми они сейчас являлись. Первая – маскировочная, достоверная имитация физического тела, не претерпевшего никаких видимых изменений, призванная только к тому, чтобы не шокировать окружающих. Вторая – истинное состояние этого физического тела. Скелеты, обтянутые высохшей кожей. На руках у всех троих – по несколько десятков красных и синих контроллеров (про эту технологию Даша знала, но прежде никогда не видела и, уж конечно, не предполагала, что «умная вода» окажется способна как-то влиять на мертвые ткани). И

третья проекция – слепящий, сияющий огонь. Свертка Сети, слепок, негасимое пламя.

«Им же почти все время больно, – поежилась Даша. – Это какой силой воли надо обладать, чтобы такое выдерживать и ни разу не подать вида, что тебе плохо? И как же все-таки им помочь?.. Ведь помочь можно. Нужно только найти правильное решение».

На какую из трех проекций нужно для этого воздействовать? Только на вторую. Вопрос – как.

«Ладно, сначала посмотрю всех троих повнимательнее, – решила она. – Решение явно где-то рядом, не может его не быть».

Ри. Пилот, похоже, еще не сообразил, до какой степени на самом деле вымотался. Хорошо, что Кержак с ним поговорил, а после этого успел связаться с Дашей и предупредить, что парень на грани срыва. Старый орк увидел то же, что и она, – многомерное существо, цепь, из одной бесконечности уходящую в другую, и одно звено этой цепи – нынешний Ри, такой, какой он есть сейчас. «Звено» имело слоистую структуру, и первый слой, которым как раз являлось сознание Ри, в данный момент не осознавал существования других слоев, скрытых под ним. Интуитивно чувствовал их присутствие, немного ими пользовался, но чем именно пользуется, понять не мог. Хорошо хоть физическое тело относительно здорово, но, если вдуматься, Ри очень неплохо бы проспать сутки, а то и двое, чтобы восстановиться. Силен пилот, силен, ни-

чего не скажешь... Интересно, пойдет он учиться к Кержаку или нет?

Ит и Скрипач. Та же удивительная многомерность, исчезающая в бесконечности. Но многомерность иного рода и другого оттенка. Если Ри нес в себе начало, истоки которого явно лежали в Индиго, то у этих двоих превалировала Маджента. Другой вектор, другое направление движения. Ри – прямая, слепящая стрела, галс парусного судна при остром ветре, полет выпущенного из пращи камня, а эти двое – как горная дорога, серпантин... ни одного угла, лишь поворотные точки. Скрипач виделся Даше удивительно светлым, Ит был темнее, но про это она решила пока что не думать – слишком много предстояло других забот, первой из которых являлся, разумеется, Скрипач. Вернее – его наспех собранное только на энтузиазме целителей тело.

Драка. Битва. Сражение. С одной стороны – почти не поддающееся контролю тело и перепуганная душа, которая инстинктивно ищет защиты и спасения, а с другой стороны – она, Даша, которая должна мало того, что поддерживать физическую оболочку, так еще и не дать душе сорваться в пропасть, раствориться в страхе. Кержак сказал, что ей предстоит танец со смертью; танец, красивый и странный, в котором она должна обойти того, с кем танцует. Танец-бой.

– Такого никто и никогда раньше не делал, девочка, – предупредил он. – Возможно, никогда и не сделает. Справиться действительно сумеешь только ты, у тебя талант... и ты

очень добрая. Есть вещи, не совместимые ни для кого, и вот это несовместимое ты должна будешь суметь совместить.

– О чем ты? – не поняла тогда Даша.

– Ты, я думаю, понимаешь, чем целитель-эмпат принципиально отличается от любого врача? – спросил старый маг лукаво.

– Да уж знаю, – усмехнулась Даша. – Прежде всего тем, что в полной мере сопереживает больному.

– Верно. Врач не может позволить себе такой роскоши. Он один, больных тысячи – это действительно и для Индиго, и для Мадженты, – и если он будет переживать, то просто сожжет свою душу, причем очень быстро. А ты можешь сопереживать, при этом компенсируя то, что отдаешь...

– ...разными способами, – Даша вспомнила горечь своего напитка и поморщилась. Да, подобное приходится чем-то компенсировать. Сексом. Болью. Или этой невероятной горечью, позволяющей, однако, жить дальше свободно, без тяжкого бремени чужой печали и боли.

– А сейчас тебе предстоит совместить в себе и целителя, и врача. В некоторых моментах ты обязана быть беспристрастной. У тебя отличные руки и умная голова, девочка. Учти, тебе обязательно придется это делать. Ведь ты и сама это понимаешь, правда?

– Правда, – кивнула она. – Но, знаешь, мне немного не по себе от сознания того, что мне придется со своим же пациентом использовать психоцит.

– С ним, может быть, и не придется, – загадочно ответил маг. – А вот с другими...

* * *

Станция вышла в логический узел Индиго-сиура, по которому передвигалась, и замерла – Ри начал новые расчеты. Сейчас им предстояло переместиться к одному из миров этого сиура, который контактил с Маджентой – половина его связей принадлежала Индиго, а половина уходила к иной связи.

Расчет завершили на удивление быстро, и вскорости станция вышла на орбиту мира, принадлежащего одному из подвидов расы рауф. На станцию тут же поступил запрос от местного отделения официалов, Морис ответил, потом подключился Ри. Несколько минут – и разрешение на посадку было получено.

– Очень интересный вариант, – рассказывал Морис. – Очень! Мир... почти что пополам. Искин сейчас выдал информацию по нему... Искин, дай всем картинку, пожалуйста, – попросил он. – Думаю, нам стоит высадиться.

– Морис, мы один раз уже погуляли, – предупредил Таенн с опаской. – Хочешь повторения с кольцом?

– Там не будет никакого повторения, – уверенно возразил Сэфес. – Смотри сам.

– Они... как это у них получилось? – с недоверием спро-

сил Ит.

– Выйдем – сам спросишь, – засмеялся Леон. – Мне тоже интересно, как они смогли.

– Но ведь это корабль блэки, – с удивлением сказал Скрипач. – Я помню, что мне на такой корабль очень хотелось ругаться. Это же военный, да?

– Ага, военный, – усмехнулся Таенн.

– И он...

– Там никого живого не осталось, – подтвердил Бард.

– Но как же...

– Подождите, – попросил Ит. – Кто и как сумел справиться с такой атакой? Ведь на этом корабле было больше тысячи неофитов, я прав?

– Говорят, что мир сумел, вернее, его эмпатическая команда, – пояснил Бард. – Официалы сказали, что расскажут, как именно. Транспортная сеть на планете, кстати, не функционирует вообще – отрубил атакой напрочь. Они сидят без новостей черт-те сколько и очень нам обрадовались.

– Здорово, – улыбнулся созидающий. – Будет очень интересно...

– Ит, Скрипач, вам нельзя вниз, – вдруг сказала Даша.

Все с удивлением посмотрели на нее. Внезапно лицо Таенна прояснилось, и он закивал.

– Да, да, да, а ведь верно, – согласился он. – Ребята, простите, но вам придется подождать нас тут.

– Я тоже останусь, – улыбнулась Даша. – Ничего страш-

ного.

– Но почему? – несказанно удивился Ит. – Ведь в мире все в порядке.

– Дело не в мире, а в вас, – ответила целительница. – Ит, вы оба – частично гермо. Поверь, вам нельзя вниз.

– Бред какой-то, – насупился Скрипач. – Если на какую-нибудь Мадангу, так можно, а если туда, где все спокойно, нельзя? Нам что, можно только туда, где головы откусывают, что ли?

– Искин, ты им что, ничего не объяснил? – У Даши округлились глаза. Она подняла голову и с возмущением спросила: – У тебя совесть есть?

– Сударыня, я пытался объяснить, еще на Маданге... ну, вернее, когда мы оттуда уходили. Но так ведь мне объяснить до конца не дали!.. Некоторые, – Таенн нахмурился, – стали говорить, что с него довольно и всякое такое прочее. Ну, я и...

– Ясно. Тогда объяснять придется мне, – целительница опустила глаза и нахмурилась. – Вот что. Вы вчетвером отправляйтесь на планету, а мы останемся. Заодно и побеседуем, потому что вопрос важный, и лучше бы решить его сразу. Тем более этот вопрос слишком деликатный, чтобы обсуждать его такой толпой.

– Я ничего не понимаю, – рассердился Ит.

– Скоро поймешь. Ты что, и про эффект берсерка тоже ничего не слышал? – с недоверием спросил Леон.

– Я ничего не слышал, ничего не понимаю, и мне совершенно не нравятся эти намеки и экивоки, – Ит с вызовом смотрел то на Барда, то на Леона. – Что все это значит?

– Пока что это значит, что вы остаетесь, – решительно сказал Бард. – Ри, пошли. Официалы ждут.

* * *

Катер, сопровождаемый маленьким и юрким корабликом, принадлежащим Официальной Службе, быстро шел вниз по заданной посадочной глиссаде. Корабль блэки, мертвый, вскрытый, остался наверху – официалы разрешили подойти к нему, но предупредили, что корабль выпотрошен ими от и до и что ничего интересного там нет. Судьбу этого корабля пока не решили. Были предложения или утопить его в океане, или активировать двигатели и отправить к звезде, пусть сгорит к шуту. Тела, находившиеся на корабле, захоронили, предварительно изучив, насколько позволяли местные технологии. Частично экипаж корабля состоял из нэгаши, частично – из когни, людей на нем не было, рауф тоже. Физических изменений не оказалось ни у тех, ни у других. Отличий от признаков расы – тоже. На корабле им пришлось, по всей видимости, тяжело. Как эти две расы сумели работать вместе – было загадкой. Когни, приспособленные к низкой гравитации, тонкокостные, высоченные, с полупрозрачными лицами и четырехпалыми руками, и нэгаши, ящеры, кото-

рым необходим был повышенный на порядок уровень радиации, для когни фактически смертельный... .

– Когни на этом корабле мерли, как мухи, – рассказывал один из официалов по связи. – Мы нашли внизу отсек, заполненный телами. У них лучевая болезнь развивается почти мгновенно, они с ней и суток прожить не могут, даже при наличии помощи. Отсеки нэгаши были изолированы от отсеков когни весьма условно... черт, мы когда стали разбираться, чуть не свихнулись все. Это какой гадиной надо быть, чтобы в один корабль впихнуть две несовместимые расы!

– Гадину эту мы видели, – с неприязнью сказал Таенн. – Второй такой на свете нет. Для него его же неофиты – мясо. Ему просто все равно.

– Чудовищно, – официал, пожилой самец рауф, сморщил нос – знак крайней неприязни и отвращения.

– Это еще что... Нашу станцию почти два месяца преследовал корабль, на котором неофиты жили в невесомости и в крошечных каморках, – вздохнул Таенн. – Мало того, неофиты были подростками. Практически детьми.

– Сэээшшшшшшш... – официал сморщился еще сильнее. – Надеюсь, дети остались живы?

– Конечно, – успокоил его Таенн. – Правда, дальнейшая судьба их нам пока что неизвестна, но когда мы покинули то «гостеприимное» место, корабль с детьми был цел, а его экипаж – жив.

– Понимаю всю абсурдность моих слов, но дети – это свя-

тое, – с бесконечной убежденностью сказал рауф. – Хорошо, что на том корабле, что подошел к нам, не было детей. Иначе, боюсь, у местных эмпатов был бы серьезный психошок.

– Несомненно, – кивнул Таенн.

Ри вывел катер к небольшому космодрому, который располагался рядом с Машиной Перемещения – такие космодромы строила обычно Официальная Служба для своих собственных нужд. Сразу за космодромом начиналась степь, небольшие перелески, а еще дальше смутно виделся огромный город. На космодроме было более чем оживленно – постоянно садились и взлетали корабли официалов, ездила местная техника, проходили туда и сюда рауф, и поодиночке, и группами.

Ри посадил катер, убрал панель слияния и, повернувшись к Таенну, спросил:

– Так почему все-таки Иту и Скрипачу нельзя было с нами?

– Ри, они оба – гермо, причем неразвязанные, – принялся объяснять Таенн. – Мир принадлежит рауф. И хотя в нем очень много черт Мадженты, он все-таки Индиго. Поэтому существует вероятность, что...

Таенн смущенно замолчал.

– Вероятность чего?

– О боже, Ри, мне совершенно не хочется про это говорить.

– Таенн, ты уже начал, – предупредил Морис. – Говорить

придется. Увы.

– Вашу мать!.. Ладно. Ри, гермо – это не средний род. Это два пола в одном. Два. В одном. Одновременно. Доходит?

– Не очень, – признался Ри.

– Они феромоно-зависимые до развязки, – неохотно пояснил Таенн. – Это понятно?

– Ничего мне не понятно! – рывкнул пилот. – Говори толком!

– А толком – это...

– Таенн!..

– В лучшем случае у них тут бы запросто могло снести крышу. В худшем – они нарвались бы на изнасилование. Причем добровольно... сначала. Они все-таки не совсем гермо. А это на практике еще больше все усложняет.

– О-па... – протянул Ри.

– Вот тебе и «о-па». Скорее всего никто бы их не тронул, но уроды везде встречаются, – неохотно закончил Таенн. – Поэтому я и попросил их остаться. Зачем рисковать, когда в этом нет необходимости?

– Ну и дела, – ошарашенно покачал головой Ри. – Так что же это выходит?..

– Потом поговорим, работать надо. – Таенн решительно встал. – Ри, мы тебя очень просим, впоследствии проявляй по отношению к ним максимум тактичности. Они явно не в курсе о том, что собой представляют. Но контактов с рауф им в данный момент нужно избегать. По крайней мере с

самцами – точно. Другие гермо и самки для них опасности не представляют.

– Да уж... Ладно, ты это потом расскажи обязательно, хорошо?

– А можно это сделает искин? – попросил Бард. – Или Даша? Я, знаешь ли, не охотник читать такие лекции.

– У нас и не спрашивай, – предостерег Морис. – Даже не начинай. Мы этого ни при каких условиях делать не станем.

* * *

Даша, Ит и Скрипач сидели в Дашиной каюте – она была самая большая и, что говорить, самая уютная. Искин создал посреди каюты низенький столик, уставленный какими-то закусками и сосудами с разными соками (никакого алкоголя, конечно же), и сейчас все сидели и обедали. Даша думала, как бы потактичнее начать необходимый разговор, но у Ита, по всей видимости, уже кончалось терпение.

– Объясни толком, почему нам нельзя вниз и о чем вы вообще говорили, – попросил он целительницу.

– Хорошо, – сдалась та. – Давай начнем с Маданги, а потом – уже с начала.

– А почему с Маданги? – удивился Скрипач. Он жевал кусок хлеба, запивая соком, и с интересом смотрел на целительницу.

– Потому что на Маданге, судя по счеткам, Ит продемон-

стрировал то, что называется «эффектом берсерка», – объяснила Даша. – Неосознанно, конечно. Ит, ты можешь сейчас вспомнить свои ощущения, когда тебя вынуждали атаковать?

Тот нахмурился, задумался.

– Злость, – сказал он. – И не просто злость, а... она была ледяная какая-то. Я словно становился кем-то другим, у меня даже в глазах темнело. Но при этом я чувствовал... – Ит замялся, подбирая слова. – Я чувствовал, что я быстрее, чем все они, вместе взятые, быстрее и злее во сто крат. Особенно, когда те военные подъехали, помнишь? – спросил он Скрипача. Тот покивал.

– А что было, когда подъехали военные? – Даша с интересом посмотрела на него.

– Ну, я же матрицы до этого делал. Сил вообще не было, по ощущению меня словно досуха выжали. Идти не мог нормально, тащился нога за ногу. Но стоило этим уродам подъехать, как... черт, я словно взорвался изнутри! Если бы они атаквали, я бы в долгу не остался.

– Это он и есть, «берсерк», – кивнула Даша. – Это состояние имеет вполне определенный механизм, у рауф оно обусловлено гормонально. У других рас – причины чаще всего тоже в химии организма. Человек может достичь состояния берсерка, принимая экстракт некоторых растений, к примеру, а для рауф пола гермо нужно испытать ощущение... Ит, если бы ты был один, этого бы не произошло. У рауф «бер-

серк» возникает только тогда, когда в опасности находится или самка... или другой гермо.

– Но я же на Терране тоже дрался, – справедливо возразил Ит.

– На Терране ты шел с почти полным ресурсом, используя его осознанно. А на Маданге ты начал пережигать, не осознавая того, собственное тело, лишь бы спасти тех, кто шел вместе с тобой. Чувствуешь разницу?

– То есть, если бы не было Скрипача... – начал Ит.

– Именно так, – подтвердила Даша. – Ит, прости, но я задам нескромный вопрос. Ты вообще когда-нибудь занимался сексом?

Ит почувствовал, как краска заливает его лицо и оно начинает пылать – от гнева и смущения. Девушка смотрела на него спокойно и участливо.

– Ит, я спрашиваю это как целитель, и поверь, как целитель я могу ответить за тебя. Нет, сексом ты не занимался. Никогда в жизни. Я права?

Ит через силу кивнул.

– У нас... черт... у нас так принято, – через силу выговорил он. – Считается, что...

– Это не важно, – улыбнулась Даша. – Не знаю, как вы оба к этому отнесетесь, но в данный момент заниматься любовью с женщиной вы оба не сможете. У вас просто ничего не получится.

У Скрипача округлились глаза. Он аккуратно поставил

стакан на столик и устоялся на Дашу.

– Здорово, – растерянно сказал он. – Спасибо, что предупредила. Только я, понимаешь ли, стал задумываться над продолжением рода... и на тебе, такой сюрприз.

Ит несколько секунд соображал, что сказал рыжий, а когда дошло – его начал душить нервный смех. Даша тоже засмеялась.

– Да, об этом тебе следует думать в первую очередь, – проговорила она, вытирая глаза от выступивших слез. – Особенно сейчас.

– Но почему? – не выдержал Ит.

– Сначала закончим с Мадангой, а потом перейдем к сути вопроса. Итак, в инциденте на Маданге принимали участие только неразвязанные, то есть не имевшие контактов с самцами молодые гермо. Во-первых, они имели моральное право рисковать собой, потому что не являлись носителями чужого генного материала и потенциальными отцами. Во-вторых, они могли входить в состояние берсерка без дополнительного стимула, им для этого не было необходимости в присутствии рядом любимой женщины. И в-третьих, они еще не умели делать различий между семьей и идеей.

– Семей? – переспросил Ит. – Но Стовер говорил, что у рауф не бывает семей.

– У рауф не бывает семей?! – изумилась Даша. – Какая фантастическая чушь! Слушай, Ит, что за ерунда творится в мире, откуда ты родом, что ты слушаешь такую белиберду и

принимаете ее за чистую монету? Вас что, вообще ничему не учат?

– Почему же, учат, – возразил Ит. – Но мы не контактируем с другими расами... почти. И не изучаем их досконально, разве что в общих чертах. Нэгаши – ящеры, когни – птицы, луури... э-э-э... ну, в общем, неважно. Рауф – коты... Прозивов я вообще ни разу не слышал. У нас был только общий курс, и еще я читал книгу «Обитаемое небо – глазами человека», Хуро Наолэ, кажется... и все.

– Темнота необразованная, в общем, – подытожил Скрипач, намазывая на очередной кусок хлеба мягкий сыр. – Впрочем, я ничем не лучше. Я читал на свалке, но обложки мне нравились гораздо больше, чем та чушь, которая была под ними. И потом, я только сейчас начинаю понимать, что именно я читал.

– А что ты читал? – поинтересовалась Даша.

– Беллетристику, про любовь, – с отвращением ответил Скрипач. – И сказочные романы про всякую нечисть, там это модно. Фу, даже вспоминать неохота.

– Ладно, не вспоминай, – согласилась Даша. – Ит, у рауф – одни из самых крепких семей, которые только можно вообразить, просто выглядят они иначе, не так, как человеческие. Слушайте, у этого мира обязательно должен быть ознакомительный курс для гостей... Искин, посмотри, пожалуйста, что в местной инфосети имеется на этот счет?

– Полный курс, краткий для работающих, краткий тури-

стический, ознакомительный для взрослых, для подростков, для детей. Адаптирован для нэгаши, людей, луури, когни. Для противофазы адаптация отсутствует.

– Спасибо, большая добрая железяка, – поблагодарила Даша. – Выведи нам, пожалуйста, ознакомительный курс для подростков, – попросила она.

– А почему не для взрослых? – удивился Ит.

– А потому, что ты будешь сидеть красный, потеть, грызть ногти от смущения и ничего не поймешь. Подростковые курсы – они про любовь и сделаны обычно очень просто. Взрослые... уже про взаимоотношения полов. С подробностями. Это все-таки Индиго, и сюда, поверь, забредают те еще искатели и искательницы приключений. Которых надо предупредить по мере сил. Для их же блага.

– Угу, – подтвердил вдруг Скрипач. – А в Мадженте эти искатели и на месте могут себе на голову что-нибудь найти...

Даша посмотрела на него со странным выражением, но промолчала.

– А я что, я ничего, – насупился Скрипач.

– С тобой будет отдельный разговор, ты помнишь гораздо больше Ига, – строго сказала целительница. – Но говоришь порой излишне много и не по делу. Если бы в этом был смысл, я бы сунула тебя в ти-анх до конца дороги, и спал бы ты у меня в нем за милую душу... молча!

– Пф, – Скрипач показал Даше язык. – Сама вылечила, теперь терпи.

– Вылечила... до этого тебе еще далеко. Искин, давай курс, пожалуйста.

Воздух перед ними помутнел, сгустился. В нем словно бы открылось окно, обрамленное белой рамой, украшенной строгим геометрическим узором. Сначала окно было темным, затем прояснилось, и все увидели, что перед ними оживленная городская площадь, судя по отсутствию каких бы то ни было машин – пешеходная.

– Мы рады приветствовать вас, дорогой гость, на нашей планете, которая носит местное название Виинбилот, каталожный номер в кластере 4747865, условная принадлежность – Индиго. Мир принадлежит расе, название которой в общем реестре – «рауф». Благодарности тебе, гость! Мы продолжаем наш курс первичного ознакомления с устройством нашего мира, для того чтобы ты мог ориентироваться в нем и не чувствовать себя чужим. Сегодня речь пойдет об устройстве семьи и институте брака.

Окно снова потемнело, а когда прояснилось, за ним обнаружилось здание, из полукруглых дверей которого выходил на улицу молодой гермо.

– Познакомьтесь, это Триниио, – приветливо произнес голос. – Он рауф пола гермо. Посмотрите на него внимательно, и вы научитесь отличать гермо от представителей других двух полов.

Гермо подошел поближе и улыбнулся. Ит жадно всматривался. Да, безусловно, что-то общее у них было. Триниио,

которого, видимо, выбрали для этой записи как одного из ярких представителей пола, был худощав, гибок, сложен гармонично и больше всего похож на молодого мужчину, но при этом в нем напрочь отсутствовала мужская угловатость и тяжесть. Лицо у рауф, конечно, от человеческого сильно отличалось, но не выглядело неприятно. Тонкие черты, большие, с необычным разрезом, ярко-янтарные глаза, маленький аккуратный нос, высокий лоб. Шерсть на голове – нежно-пепельного оттенка, и даже в записи видно, что она очень мягкая и даже, пожалуй, пушистая. Гермо улыбнулся и помахал рукой.

– Триниио уже окончил обучение и сейчас работает в государственной лаборатории промышленного синтеза, – продолжил голос. – У него есть мама и три отца, таких же, как и он сам, гермо. Внимание, важная информация! При встрече с женщиной среднего возраста соблюдайте почтительность и обязательно спросите про ее детей и мужей, иначе вас могут счесть излишне поверхностным и невнимательным. У мамы Триниио, кроме него, есть еще трое детей – мальчик, девочка и еще один гермо. Реже всего рождаются мальчики.

К молодому гермо подошла женщина-рауф, одетая в пестрое платье, и трое сопровождавших. Женщина была небольшого роста, плотная, маленькая, шерсть на ее голове, заплетенная во множество мелких косичек, оказалась огненно-рыжей. Трое гермо, отцы Триниио, шли рядом с ней и, на взгляд Ита, от самого Триниио отличались не особенно

сильно. Разве что разрезом глаз да цветом шерсти на голове.

– Вы обратили внимание, что гермо – мужья мамы Триниио – выглядят его ровесниками? – спросил голос. – У гермо отсутствует ген, который отвечает за старение, и они до смерти выглядят так же, как в юности. Поэтому при общении с представителями пола гермо будьте крайне почтительны – рауф, с которым вы общаетесь, может быть гораздо старше вас, и не следует обижать его некорректным или панибратским отношением.

В окне Триниио обнял маму, а затем – каждого из отцов. Было видно, что он не играет, что запись совершенно правдива. Видимо, это была настоящая семья, которую местные рауф выбрали для ознакомительного курса. Наконец семья ушла, и Триниио остался в «окне» один.

– Триниио уже встретил свою первую любовь, – с теплотой сказал голос. – Его избранница работает с ним в одной лаборатории. Ее зовут Лоара, она старше Триниио на шесть лет, и он станет ее вторым мужем.

Из дверей вышла еще одна женщина-рауф, тоже небольшого роста, но явно молодая. Тоненькая, легкая, а шерсть на голове – снежно-белого цвета.

– Блондинка за углом, – вдруг пробормотал Скрипач. – Все они такие... своего не упустят.

– Не отвлекайся, пожалуйста, – попросила Даша.

Скрипач хмыкнул.

– Теперь Триниио предстоит найти свою вторую любовь, –

продолжил голос. – Это нужно для того, чтобы стать мужем Лоары и отцом ее детей.

Триниио обнял Лоару, она обняла его в ответ. Они улыбнулись друг другу, и женщина ушла обратно, внутрь здания с полукруглыми дверями.

– Для того чтобы обрести целостность и завести ребенка, Триниио отправляется на поиски своей второй любви. Ему предстоит найти любовь мужчины-рауф, по отношению к которому Триниио станет женщиной. Этот союз тоже просуществует всю ее жизнь, и мужчина, влюбившийся в него/нее, будет заботиться о ней так же, как она/он будет заботиться о своей жене Лоаре.

Ит потер ухо. Ослышался?

– Вы обратили внимание, что теперь о Триниио можно говорить и в женском роде, и в мужском? Все правильно. Триниио – гермо. По отношению к Лоаре Триниио – мужчина, ее любимый, ее защитник, отец ее детей. А по отношению ко второй любви – Триниио женщина, потенциальная носительница его генного материала.

Снова смена картинки. Триниио стоит рядом с самцом-рауф. Да, это действительно мужчина, причем, видимо, тоже искали представителя попредставительнее. Высокого роста (головой на полторы выше Триниио), с широкими плечами, с покровительственной и доброжелательной улыбкой, самец выглядел рядом с Триниио как взрослый мужчина рядом с молодой девушкой.

– Понимаешь, о чем говорил Стовер? – спросила Даша. – Понимаешь, о чем шла речь на Маданге? Для человека такое взаимоотношение полов выглядит неестественно. Но мы потом посмотрим анатомию гермо, и все встанет на свои места, поверь.

Ит оторопело кивнул.

– Как видите, Тринию нашла свою вторую любовь, – сказал голос. – Это Игма, мужчина-рауф. Посмотрите на него внимательно, чтобы запомнить, как выглядит мужчина. При встрече с мужчиной соблюдайте почтительность и никогда не задавайте вопросов о его женах, это считается неприличным.

«Такого увидишь – до смерти не забудешь, – подумал Ит. – Сколько же в нем роста? Два метра? Или больше? Ужас какой».

– Внимание! – Голос обрел серьезность и стал строгим. – Важная информация. Если вы познакомились с молодым гермо, еще не имевшим контактов с мужчинами, избегайте вместе с ним посещения следующих районов и мест... – последовал довольно длинный перечень. – Молодые гермо относятся к группе риска и могут стать жертвой незапланированного спонтанного контакта. Конечно, такие случаи исчезающе редки, – с успокаивающей интонацией продолжил голос, – и предупреждение носит в большей степени ознакомительный характер, но все равно примите к сведению, что подобное может произойти.

Картинка в окне снова сменилась. Теперь там стояли все персонажи: мама с тремя мужьями, Лоара, Игма и сам Тринио. Все улыбались и махали руками.

– Вы познакомились с обычной семьей, вернее, с ее основной частью, – торжественно сказал голос. – Теперь вы сумеете ориентироваться и избежите большинства ошибок, которые обычно совершают те, кто не ознакомился с подобным курсом. Следующий курс – взаимоотношения с детьми и нестандартные семьи. Разрешите пожелать вам удачного пребывания на нашей планете. Благоденствия, гость!

Окно померкло, затем посветлело и растворилось в воздухе.

– А теперь объясни это все так, чтобы я понял, почему нам нельзя было туда отправиться, – попросил Скрипач. – По моему, ничего криминального в том, что мы услышали, нет.

– Да, социальную сторону мы посмотрели, – согласилась Даша. – Теперь – о стороне физиологической. Дело в том, что молодые гермо до первого контакта с женщиной не могут контролировать свое тело. Феромоны, которые вырабатывает организм самца, действуют на гермо оглушающе. Это не приглашение к размножению, это, скажем так, приказ. Если гермо развязан, да еще и влюблен, он волен этому приказу не подчиниться. А если нет...

– То есть ты хочешь сказать, что если бы мы оказались там и встретили бы... самца... то мы бы... – В голосе Ита звучала натуральная оторопь.

– К сожалению, это так, – грустно сказала Даша. – Вы бы пошли за ним туда, куда он велит, и сделали бы то, что он хочет. Не просто самца, а самца, который захотел бы этого... ну, ты понимаешь. Нет, обычно никто никого не заставляет, но встречаются моральные уроды, которые на такое способны. А в результате – очередная искалеченная жизнь, – с горечью добавила она. – Потому что это, по сути дела, изнасилование.

– Боже мой... – Ит запустил руки в волосы. – Но почему мне никто до сих пор ничего не сказал?!

– Это еще не все, – предостерегла Даша.

– Не все?! Как – не все?!

– Ит, ты хотел услышать правду, верно? Ну так слушай, потому что лучше все-таки эту правду знать, чем потом столкнуться с ней и быть при этом неосведомленным.

– Ладно, продолжай. – Он собрал волю в кулак.

– Продолжаю. Первое – физиологически вы похожи на гермо, но репродуктивная система у вас недоразвитая, поэтому контакт с мужчиной может быть для вас травмирующим, если, конечно, он поведет себя с вами так же, как ведет с настоящими гермо.

– То есть это как? – с подозрением спросил Скрипач.

– То есть такому телу, как ваше, будет очень больно, и, подозреваю, ваших собственных эндорфинов не хватит, чтобы эту боль заглушить, – жестко сказала Даша. – Когда настоящий гермо вступает в первый контакт с самцом и проходит

развязку, он боли практически не ощущает, потому что его организм вырабатывает эндорфины в огромном количестве. А у вас...

– Что еще? – деревянным голосом спросил Ит.

– Второе. Репродуктивная система неполноценна, и носителями чужого генного материала вы быть не можете.

– Это замечательно, – с сомнением сказал Скрипач.

– Третье. Психологический барьер – вы до этой минуты считали себя обычными человеческими мужскими особями. К сожалению, это не так – ваши организмы совместили одну репродуктивную систему и другую. И работает это в точности как у гермо – вторая часть системы может работать только после запуска первой. А до этого желательнее будет сделать одну небольшую операцию, потому что иначе это будет травматично в еще большей степени...

– Даша, не надо дальше, а? Давай про это потом. Искин, налей чего-нибудь выпить, – попросил Ит в пространство. – С ума сойти можно... И что с этим всем делать?!

– Пока что ничего, – улыбнулась целительница. – Думаю, что это все можно решить. Скорее всего вам нужно будет познакомиться с каким-нибудь мужчиной рауф, объяснить ему ситуацию и...

– Ну нет, благодарю покорно! Я не... нет, это невысказано... – Ит закрыл глаза, помотал головой. – Должен же существовать какой-то другой способ?

– Не думаю, – отрицательно покачала головой целитель-

ница. – Конечно, можно синтезировать феромоны самца. Конечно, можно смоделировать практически все, что угодно. Нельзя смоделировать только одно – саму развязку. Развязка – это гормональный взрыв, который имитировать, может быть, и можно, но лично я сомневаюсь в успехе. Да и зачем имитировать то, чего можно добиться естественным путем?

– Затем, что это кошмар, – мрачно сказал Ит. – Скрипач, ты как хочешь, а я с женщиной спать не буду ни за что на свете. Это... может, то, что ты говоришь, Даша, имеет место быть, но у меня все-таки есть и здравый смысл, и чувство собственного достоинства, и, наконец, элементарный стыд. Для меня даже мысль о чем-то подобном унижительна и непристойна. Я категорически отказываюсь проходить развязку, потому что это... Черт, это омерзительно!

– Я понимаю тебя, – очень серьезно кивнула целительница. – И поняла это гораздо раньше. Именно поэтому я настаивала, чтобы вы остались на станции. Если бы произошло что-то непредвиденное, ты испытал бы шок, а у нас в команде и так достаточно проблем.

– Вот, например, я, – с удовольствием заметил Скрипач. – Я у вас проблема номер один.

– Доедайте, «проблемы», и будем работать, – усмехнулась Даша. – Скрипач, ты первый на очереди.

– Правильно, у меня же ключ, – усмехнулся Скрипач. – Дашенька, я вот хотел уточнить... вы же когда меня... ну... ты лично сама эту репродуктивную систему у меня внутри

видела? Как она там? Ничего?..

– Пошляк, – засмеялась Даша. – Когда это закончится, я лично попрошу Дарли тебя выпороть!

– Я помогу, – мрачно добавил Ит. – Внутри... Скрипач, ты хоть иногда думай, что говоришь, а?

– Так я же сумасшедший, мне можно.

– Ты уже не сумасшедший! – не согласилась целительница. – И тебе уже нельзя!

– Скрипач, я, кажется, начинаю понимать людей, которые поставили тебе этот химический блок, – мрачно заметил Ит. – Интересно, долго ты их доводил подобным образом?

– Если бы я знал... да нет, Ит. Я никого не доводил. И блок я поставил сам. Вот только не знаю почему, и не спрашивайте – не помню. Помню только, что сам.

* * *

Ри не впервые присутствовал на беседе между Официальной Службой, местными властями, Сэфес и Бардом. Сейчас ему было откровенно скучно. Небольшая комната для совещаний, оживление на лицах слушателей, терпеливо отвечающие все на те же вопросы Сэфес...

Одно и то же, в который уже раз. Однако после обмена информацией беседа оживилась – местные стали рассказывать, каким образом был уничтожен корабль блэки.

– Мы, конечно, не сразу поняли, что это связано с эмоци-

ональной сферой, – пояснял пожилой рауф из местных, не официал, а, по всей видимости, представитель властей в высоком чине. – Но догадаться сумели. Понимаете ли, в непосредственной близости от нас находятся два обитаемых мира – один человеческий, другой – принадлежит нэгаши. Мир нэгаши погиб почти сразу. Там шли три большие войны и несколько локальных. То есть, проще говоря, эгрегор был поражен и дезориентирован. Человеческий мир продержался дольше. Корабль, который вы видели, провел около него больше суток, и мир все-таки пал. А потом корабль отправился к нам. Он шел на двигателях, не через гипер, это нас и спасло. Мы сумели оказаться быстрее.

– Так что вы сделали? – спросил Бард.

– Вы не поверите. Счастье. Мы их ударили своим же собственным счастьем, и они сгорели. Наша команда эмпатов, признаться, растерялась – такого мы не ожидали. Максимум, чего мы хотели добиться, так это того, чтобы корабль ушел. И... случайно, вероятно, но мы их... – представитель властей развел руками. – В общем, вот.

– Замечательно, – с улыбкой сказал Леон. – Таенн, мы пока что тут побеседуем дальше, а вы сходите к официалам в комнату совещаний, уладьте формальности, хорошо?

Ри удивился – почему на «вы», что за официоз? – и тенью выскользнул вслед за Бардом и подтянутым самцом-рауф средних лет.

– ... понимаете, мы не хотели бы афишировать... на самом

деле эмпатическая группа тут вообще ни при чем, – вполголоса заговорил официал.

Таенн заметил Ри, поманил его. Тот подошел.

– Наш пилот, Ри Нар ки Торк, – представил Таенн. – При нем можно говорить, он в курсе общей ситуации.

– Очень приятно, – кивнул официал. – Так вот. Причиной гибели этого корабля стала, конечно, не эмпатическая группа. Нас всех спасла случайность. Корабль был переоборудован под две расы, и весьма основательно. Какая-то неполадка, вследствие ее – разгерметизация... и не сработали системы защиты. Видимо, были повреждены. Местным мы, разумеется, ничего не сказали. Пусть продолжают считать эту победу своей заслугой. Но хуже другое...

– Что именно? – напрягся Ри.

– Они... они искали вас. До того как корабль подошел на расстояние одной световой секунды, с него было передано требование... угроза и требование. Если мы выдадим секторальную станцию, планету не тронут.

– Не волнуйтесь, мы, собственно, уже уходим, – успокаивающе улыбнулся Бард. – Ни одной лишней минуты не задержимся.

– Что же нам делать? – с горечью спросил официал. – Как поступить? Даже если мы сейчас на свой страх и риск попробуем через коридоры увести хотя бы часть населения... что будет с остальными, что будет с миром?

– Межпространственные коридоры?.. Не подходите к ним

и близко, – предостерег Таенн. – Мы имели удовольствие пообщаться с Антиконтролем...

– Вот даже как?!

– Даже так. Они уже потеряли несколько кораблей, когда пытались ими пользоваться. Так что... уповайте на Всевышнего, – печально усмехнулся Таенн. – И ждите. Ничего другого не остается.

– Никому? – встревожился официал.

– Никому, – подтвердил Бард. – Ты что-то хочешь сказать, Ри?

– Да, – мрачно кивнул тот. – Вот что я вам хочу сказать, Официальная Служба. Если к вам сунется еще один такой корабль, берите и стреляйте по нему. Вот просто берите и стреляйте, если есть из чего стрелять!

– Ри, – предупреждающе начал Таенн, но инженер его не услышал.

– Конечно, вероятность того, что у вас что-то получится, очень мала. Но это – единственное, что вы на самом деле можете сделать.

– А вы? – поинтересовался официал.

– А мы – будем тенью от тени, – развел руками Ри. Таенн едва заметно усмехнулся. – И если нам это удастся, через какое-то время мы сможем уже не только стрелять. И вы тоже. Обнадеживает?

– Хороший у вас пилот, Таенн, – усмехнулся официал. – У такого на дороге не стой...

– Да, хороший, – кивнул Бард. – Мы не жалуемся. Ри, сколько еще на расчет?

– Три часа.

– Пошли, погуляем. Только сначала Сэфес заберем, а то их там до икоты уговорят, чувствую.

Маджента Санкт-Рена

На четвертый день их относительно спокойного путешествия все уже знали, что в мире есть две несовместимые величины. Первая называлась «режим», вторая называлась «Скрипач». Даша настаивала на неукоснительном соблюдении первой величины, при этом стараясь как-то загнать в рамки вторую. Скрипачу командой целителей было предписано чередовать периоды – час ходить, два часа лежать. Проблема заключалась в том, что лежать ему совершенно не хотелось. Особенно тогда, когда он хорошо себя чувствовал.

Бард и Сэфес наблюдали за Скрипачом исподтишка и понимали, насколько же ему трудно – ведь только сейчас до сих пор запертая в изувеченном теле с изувеченным же мозгом душа начала вырываться на свободу... и свободу эту весьма жестко ограничивают. До чего же скучно почти весь день проводить в каюте, пусть с Итом или с Дашей, когда так хочется и побродить по станции, и поговорить, и покуражиться.

Характер у Скрипача после снятия блока оказался – не приведи Господи. Он постоянно что-то выдумывал, постоянно кого-то подкалывал. Скучно с ним не было никому, и на станции, до того погруженной в минорное уныние, все ча-

ще и чаще стал звучать смех. Скрипач шутил. Он шутил над всеми и практически постоянно – доставалось даже искину. Угадать, что он собирается сделать, не мог никто. Практически любое действие начиналось с одухотворенным лицом и деловым видом, а заканчивалось почти всегда взрывом чье-нибудь хохота. Ит, очень старавшийся сохранить невозмутимость и серьезность, тоже нет-нет да и прокалывался. Но больше всех от Скрипача доставалось Таенну.

– Ты ничего не понимаешь, – доказывал Скрипач Даше, загнавшей его лежать после очередной диверсии. – Да, он стукнулся копчиком, когда кресло уехало. Но в этом есть и положительные моменты! Например, ты сама говорила, что алкоголь ему пить не нужно. Говорила или нет?

– Говорила, – подтвердила она.

– Ну вот! Он же в результате не выпил!

– Скрипач, все-таки ты порой излишне... – Даша захихикала. – Но лицо у него было... ой, мама...

– У него было очень естественное лицо, – с достоинством заметил он.

– А как ты это сделал вообще?

– Договорились с искином. Поставили на стол бутылку. Он подошел, взял бутылку и вместе с ней захотел сесть в кресло. Просто он не знал, что кресло тихо уедет на метр назад, потому что оно так на бутылку в руках реагирует. Ну, сел... остальное ты видела.

– Скрипач, это кончится тем, что он в один прекрасный

день даст тебе по лбу, – предупредила Даша.

Скрипач усмехнулся. Сейчас Даша видела – из всей многомерной картинка выделилась одна проекция и заняла позицию поверх предыдущих. Что-то легкое, светлое, игривое, как солнечный зайчик на прозрачной воде. Перед ней мелькнула картинка, невесть откуда взявшаяся, – гигантское, пронизанное солнцем небо и крошечная машина, немного напоминающая катер Сэфес, стремительно вырывающаяся в это небо из плена огромного темного проема, прорезанного в теле огромной горы. Проекция мелькнула и исчезла, оставив после себя только ощущение шального и совершенно детского счастья.

– Я просто хочу, чтобы всем было весело, – тихо проговорил Скрипач. – Тут повсюду ужасная тоска, Даша. А я ненавижу, когда вокруг безнадежно и тоскливо. Понимаешь?

Целительница кивнула.

– Так не должно быть, – убежденно сказал он. – Мы же можем это как-то исправить?

– Особенно ты. Учитывая, в каком ты состоянии.

– Состояние... ну да, отчасти ты права. Но это состояние – не повод ложиться, задира́ть лапки кверху и томно умирать, – Скрипач серьезно посмотрел на Дашу. – Я хочу помочь им как-то... всем. Особенно, конечно, Иту. Он, бедный, чуть с ума не сошел... а прошло всего-то несколько дней. Мы тут ночуем, так он даже спать нормально не может, мечется все время. Куда это годится, Даш?

– Все, что я тут наблюдаю, вообще никуда не годится, – подтвердила целительница. – И потом... знаешь, я смотрела Таенна и Сэфес... и мне показалось...

– Что? – Скрипач приподнялся на локте, но Даша погрозила ему пальцем: лежи, мол.

– Только не говори им, я не хочу обнадеживать заранее. Мне показалось, что их тела можно попробовать вернуть к жизни. Не сейчас и не здесь, разумеется. Да и Кержак бы меня, вероятно, не одобрил...

– Серьезно? – глаза у Скрипача загорелись. – Слушай, позови Ита. Позови! И Ри тоже позови! Даш, ну пожалуйста... Расскажи про это не только мне, расскажи ребятам тоже! Даша, миленькая, ну сколько можно жить в склепе!!!

– Ладно, – сдалась целительница. – Но учти, Сэфес и Барду про это – ни слова. Вдруг ничего не получится? Они ведь даже толком посмотреть себя не дали. А если я ошибаюсь?

– Давай пока считать, что ты не ошибаешься, – предложил Скрипач. – Сделаем так – пусть существует миллионная доля вероятности, что ты не ошиблась и что это возможно. И давай будем в нее верить. Знаешь, насколько станет легче?

– Скрипач, ты очень добрый человек, – серьезно сказала целительница. – Мне жаль, что ты... неорденопригоден.

– А мне нет, – отмахнулся Скрипач. – Орден – это очень хорошо. Но ведь люди... ну или там всякие гермо и все прочие, они же не только в Ордене могут жить, правда? Я понимаю, почему я не пригоден, но нисколько этим не огорчен.

– Почему, на твой взгляд, ты не пригоден? – прищурилась целительница.

– Да уж не потому, что я мировое зло. Меня слишком много, причём в разные стороны. – Даша изумленно посмотрела на него – как? откуда? он это понимает?! – Ита много, Ри много. Ит упертый, его ещё в этом предстоит убедить, а Ри так и вообще растерялся, по-моему... но таких, как мы трое, в Орден не возьмут. Мы – не чистые. В нас слишком много всего сразу.

– Ты почти прав, – кивнула Даша. – А ещё у меня есть ощущение, что у вас троих в этом мире есть очень много дел. Скрипач, ложись, ну куда тебя опять несёт?

– Ребят позвать хотел. Они там считают уже третий час, – отозвался он.

– Лежи, я сама позову.

* * *

Когда Ри попробовал выстроить первую связку в сиуре, принадлежащем Мадженте, его охватила оторопь. До этого он и сам не раз произносил слово «экстерриториальный», но тогда это было чисто теоретическое понятие, а теперь он, впервые столкнувшись с таким построением в полном объёме, слегка растерялся.

Сиур, который они решили пройти, был разнесён по трём галактикам. Три его точки принадлежали той галактике, в

которой они находились сейчас, еще две – принадлежали соседней, последняя – через нее решили не идти – находилась в галактике, отстоящей от двух предыдущих на расстоянии, которое до того Ри считал чисто теоретическим числом.

Леон и Морис в ответ на его робкий вопрос снисходительно заулыбались и пустились в разъяснения. Ри слушал, стараясь ничего не упустить, но через некоторое время решил позвать Ита. Тот, еще до конца не оправившийся от всех потрясений, сначала слушал вполуха, но потом, после незначительной на первый взгляд фразы Леона о плоскостной визуализации, вдруг оживился и сказал:

– Мне кажется, что тут как раз ничего сложного нет. Ри, логический узел – это же изначально не физическая точка, верно? Естественно, если ты смотришь на территориальное построение, ты начинаешь гадать, где он может быть, и цифры только сбивают тебя с толку. Начинать надо не с этого...

– А с чего? – с интересом спросил Морис.

– Мне кажется, сначала надо перевести сиур из физического состояния в логическое и сформировать уже привычную картину.

Многомерная конструкция, висевшая перед ними в воздухе, перетекла в плоскость, на которой шесть ее опорных точек образовали шестигранник.

– Теперь выводим узел...

Внутренняя поверхность шестигранника окрасилась золотом, в самом его центре вспыхнула алая точка.

– А теперь – разносим всю конструкцию обратно, уже имея теоретическую локацию узла. И получаем его физические координаты.

– Отлично, – похвалил Леон. – А для тебя так и вообще великолепно.

– Спасибо, – ухмыльнулся Ит. – Знаешь, мне бы очень хотелось избавить себя от клейма тупого истеричного балласта...

– Ит, перестань, про тебя никто ничего подобного не говорил.

– Не говорили. Но думали. Я не слепой и вижу.

– Ит... – Леон нахмурился.

– Что? – спросил он. – Сорок лет уже Ит.

– Ладно, проехали. С построением все более чем ясно...

Ри кивнул. Подошел Таенн, мельком глянул на схему, потом остановился и движением руки приблизил ее к себе. Поцокал языком, покачал головой. Совместил еще какие-то точки, которые до этого были не выделены, подвел к выделенным. Нахмурился. С недоверием посмотрел на Леона, а затем – на Ри.

– Вы это серьезно? – спросил он с тревогой в голосе. – Леон, у тебя с глазами все в порядке?

– О чем ты? – не понял Сэфес.

– Да о том, что все три мира находятся на границе пораженной зоны!

– Спасибо, нам уже сообщили, – усмехнулся Морис. – За-

то общий путь получается втрое короче. И поймать нас им будет сложнее. Значительно. Таенн, давай без паники, а? Хотя бы без излишней паники. Мир, в который мы сейчас направляемся, находится в тридцати световых годах от ближайшего мира, пораженного атакой, и границы черной зоны. Скорее всего он...

– Сэфес, ты оптимист со своей Маджентой, – простонал Таенн. – Неизлечимый оптимист. Я больше чем уверен, что неофиты там побывали уже не по одному разу, и сейчас на месте планеты торчит очередной мертвый остов. И скажи спасибо, если там не поджидает нас или корабль с деточками, или один из военных...

– Я так не думаю, Таенн, – серьезно сказал Леон. Сел в кресло, положил ногу на ногу, слабо усмехнулся. – Искин, будь любезен, справку по миру дай, пожалуйста.

– Ща сделаем, – пробубнил голос из-под потолка. – Секунду... ага, смотрите. Мир – основа и первопланета межмирового государства Санкт-Рена. Правление – просвещенная монархия совместно с демократической объединенной партией. Локация насчитывает триста восемнадцать планет, из которых первичная Маджента – сто восемьдесят, остальные – вторичная экспансия незаселенных миров, основанная на добровольном сотрудничестве и взаимоподдержке. Мир лоялен к Контролю. Патронируется Сэфес и Официальной Службой.

– Дошло? – усмехнулся Леон. – Если бы там работала

Транспортная Сеть...

– Вот только проблема в том, что она там наверняка не работает, – мрачно проворчал Таенн.

– Согласен, – кивнул Сэфес. – Скорее всего не работает... а жаль.

– Вы о чем? – не понял Ри.

– Понимаешь, если бы мы оказались в этом мире быстро, то, возможно, давным-давно были бы на базе, – пояснил Леон. – Так... а ну-ка, давайте глянем, что нам еще предстоит пройти.

Второй мир тоже был весьма и весьма почтенным, но лояльностью к Контролю не отличался (Морис и Леон посмотрели друг на друга и принялись смеяться – оказывается, именно в этом мире была написана одна из самых крамольных монографий о Сэфес, то самое «Обитаемое небо», которое читал Ит).

– Мы будем считать, а они в это время будут думать, чем бы нас пнуть побольнее, и очень обрадуются, когда мы свалим... если, конечно, там есть кто-то живой, – сквозь смех проговорил Морис.

Третий мир был вторичной Маджентой, экспансированной около пяти тысяч лет назад. По сути дела, он являлся планетой-лабораторией, населенной людьми, которых там было очень и очень мало.

– Условный, – поморщился Таенн. – Какая это Маджента, к шуту. Так, одно название. Даже самостоятельного эгрегора

практически нет, что-то номинальное болтается. Как бы там не завязнуть.

– Не завяжем, – успокаивающе улыбнулся Леон. – Маджента, конечно, условная, но она находится уже в пределах видимости базы.

– Даже так? – обрадовался Ит. Он подошел совсем недавно, а до этого сидел с Дашей и Скрипачом, который в тот день чувствовал себя неважно и решил не вылезать из постели. – Но ведь тогда можно будет...

– Ит, все не так просто. В пределах видимости – это около ста световых лет. Да, там даже созвездия выглядят почти одинаково, но, уверяю тебя, кривой дорогой ближе, – со вздохом объяснил Леон.

– Почему? – Ит нахмурился.

– Хотя бы потому, что как раз недалеко оттуда нас запросто могут ждать. Основываясь именно на логике того, что база неподалеку.

– А следующий шаг? – поинтересовался Ри.

– Следующим шагом мы выходим за пределы галактики. Подозреваю, что у искина данных по следующему миру этого сиура быть просто не может. Искин?

– Нет у меня их, – отозвался искин. – Откуда? Ваша эта дурноголовая Маджента расползается, как не знаю что, в разные стороны. Шныряете туда-сюда...

– Значит, будем шнырять, – подытожил Ит.

– Будем, – согласился Леон. – Ри, когда будет готов рас-

чет?

– Часа через полтора. Меня сбивал с толку этот проклятый логический узел...

* * *

Пространство привычно мигнуло, схлопнулось – и чуть не в тот же момент в зале управления зазвучал чей-то взволнованный и возмущенный голос:

– Станция! Станция!!! Немедленно меняйте координатную точку! Вы находитесь на траверзе колонны! Меняйте точку! Да меняйте же точку, черти бы вас побрали!

Ри опомнился первым. В одно мгновение вывел визуальную панель управления и крикнул в пространство:

– Дайте координаты!

Ит бросился к окну, за ним кинулись остальные.

На станцию надвигался корабль. Но какой!.. Бронзово-золотистая махина, имевшая форму усеченной пирамиды, лишенной верхушки, по размеру мало уступавшая секторальной станции, была украшена богато, вычурно и чем-то напоминала старинную паровую машину, виденную Итом в музее родного Дс-35. Строители, создавшие этот корабль, явно не чуждались эклектики, соблюдая при этом какие-то свои эстетические нормы – корабль был красив тяжелой, основательной красотой надежной и крепкой вещи.

И вся эта красота на всех парах неслась к секторальной

станции.

– Ри, ты чего там, замерз?! – раздраженно рявкнул Таенн.

– Сейчас...

Станция свечкой рванулась вверх – по крайней мере Ит определил это для себя именно как «вверх», планета находилась внизу. Корабль стал стремительно отдаляться, и тут все увидели, что он был не один. Под станцией тянулась цепочка точно таких же кораблей, и цепочка эта постепенно вытягивалась в сияющее, одетое сполохами облако, висящее в пустоте. Доходя до облака, корабли на секунду замирали, затем делали рывок вперед – и пропадали с глаз.

– Портал, – сказал Морис. – Одна из альтернатив Транспортной Сети... Господи, сколько же их!..

Кораблей в обозримой области были сотни, совершенно одинаковых, величественных, медленных.

– А дизайн-то они у нас слизали, – ухмыльнулся Таенн. – На станцию чем-то похожи.

– Это безумно важно, конечно, – брезгливо заметил Леон. – Что они похожи... Ри, выясни, что тут происходит?

– Сами скажут, надеюсь.

Через минуту в зале зазвучал тот же голос, но уже спокойный и доброжелательный:

– Добро пожаловать! Простите за этот инцидент, но вы вышли в точку, через которую идет колонна с добровольцами. Приносим свои извинения за резкость, но ваше появление было несколько неожиданным.

– С добровольцами? – переспросил Ри. – С какими добровольцами?

– Транспорты уходят в пораженную зону, к мирам, которые нуждаются в помощи, – пояснил голос. – Дайте визуал, пожалуйста. Вы меня очень обяжете.

В воздухе перед Ри появилась фигура крупного пожилого человека с окладистой бородой, одетого в форму Официальной Службы. Он улыбнулся, поклонился. Ри поклонился в ответ, Ит, секунду помедлив, тоже.

– Меня зовут Рагвар Такае, я старший офицер Официальной Службы планеты Санкт-Рена. Рад приветствовать уважаемых Бардов!

– Спасибо, – серьезно кивнул Таенн. – Я должен внести ясность. На станции сейчас смешанный экипаж.

– Вот как? – удивился официал. – Позвольте-позвольте... Но ведь вы сами...

– Я Бард, вы совершенно правы. Кроме того, на станции находятся двое Сэфес, один представитель Ордена Аарн и три человека, – продолжил Таенн.

– Чудны дела твои, Госпожа Небесная, – пробормотал Рагвар Такае. – Неужели это все-таки...

– Двое из людей частично являются носителями генома рауф, один из них – в тяжелом состоянии.

– Вам требуется помощь?

– Нет. К сожалению, помочь невозможно. Сетевое поражение.

Официал охнул, но быстро опомнился. Однако выражение тревоги его лицо так и не покинуло.

– Да, все правильно... Если я правильно понял, вы идете по координатным точкам на ближайшую базу? – спросил он.

Сэфес и Таенн кивнули. Ри удивился – он не ожидал, что официал поймет происходящее столь быстро.

– Совершенно верно, – согласился Таенн. – Именно так и есть. Станция пробудет на орбите двенадцать часов, это время необходимо для расчета следующего перехода. Пребывание на планете желательно, но не обязательно. Если у вас там идет работа, то нам не хотелось бы мешать.

– Может быть, вы хотите высадиться? – предложил официал. – И потом, почему двенадцать часов? Раньше у вас подобный расчет занимал, насколько мне известно, сутки.

У Ри округлились глаза. Ит судорожно вздохнул. Сэфес и Бард, напротив, выглядели совершенно невозмутимыми.

– Извините, я поясню. Про вас мы наслышаны. Вернее, нас предупредили, что существует вероятность, что к нам может прийти на недолгое время станция именно со смешанным экипажем и...

– Кто предупредил? – подался вперед Ри. – Откуда эта информация?

– Ну, знаете ли, молодой человек...

– Он пилот, – сообщил Таенн. – Собственно, он ведет станцию. Рагвар Такае, объяснитесь, пожалуйста. Для нас это очень важно.

– Хорошо. – Официал прищурился, задумался. – Понимаете ли, дело в том, что существуют не только Контролирующие, но и структуры, оказывающие им поддержку и содействие. Для них действительны иные законы, у них свои пути, и они преследуют свои цели, нам неведомые. Около месяца назад нас посетил...

– Эрсай?! – с удивлением и недоверием спросил Ит.

– Совершенно верно. Один из представителей Эрсай. И предупредил, что у нас может появиться станция. Однако он ничего не сказал ни про базу, ни про сетевое поражение.

– Ясно... – протянул Ри.

– Я все-таки буду настаивать на том, чтобы вы высадились, – твердо сказал официал. – У нас очень много информации, которая, думаю, будет вам небезынтересна.

Из каюты вышла Даша, подошла к остальным. Улыбнулась Иту, едва заметно подмигнула Ри.

– Как он там? – спросил Ит.

– Сейчас уже неплохо. Уважаемый Рагвар Такае, здравствуйте. Я являюсь представителем Ордена Аарн, а также целителем, – приветливо сказала Даша.

– Здравствуйте, сударыня, – улыбнулся официал. – Как к вам обращаться?

– Меня зовут Даша, – снова улыбнулась целительница. – Простите, я слышала весь разговор. Думаю, мы примем ваше предложение и высадимся.

Таенн и Сэфес мрачно переглянулись.

– Командирша, – пробормотал Таенн. – Говорил же я...

– Ну и отлично. К вам сейчас подойдет корабль сопровождения.

* * *

За окном, высоким, большим, одетым темным тяжелым деревом, шел дождь. Смеркалось. Теплый влажный воздух из-за неплотно прикрытой створки тек в комнату, смешиваясь с сонным бормотанием дождя. За окном было лето, мягкое, уютное, почти родное, почти как дома. От сознания, что лето все-таки существует и его можно увидеть, почувствовать, прикоснуться, становилось горько и сладко одновременно. Огромное и мирное лето. И звезды в небе – это просто звезды, а не координатные точки, объединенные в структуру и подчиненные цифрам и символам.

Скрипач дремал, уютно свернувшись калачиком в огромном старом кресле, уставшая Даша спала, лежа прямо поверх покрывала на роскошной, помпезной кровати. Вторая кровать, стоящая рядом с первой, пустовала. Ит, сидя за столом, задумчиво крутил перед собой визуальную картинку нового расчета (Ри настоял, чтобы он тоже включился в работу по вычислениям) и ощущал, что глаза слипаются, а спина начинает ныть.

Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Леон. Осуждающе покачал головой.

– Ит, ложись, – потребовал он. – У нас большой лимит по времени, завтра досчитаете.

– А Ри? – поинтересовался Ит.

– Ри уже спит. Ложись, не геройствуй. Успеете, все нормально.

– Ладно, сейчас, – кивнул Ит в ответ.

– И Скрипача уложи нормально, будь любезен. Не в его состоянии так спать.

– Ага... Леон, а вы-то сами?

– Мы пока что еще работаем. Не волнуйся, через час-полтора закончим.

– Хорошо.

...День после высадки изобиловал событиями и сведениями. Сели, естественно, у официалов, потом отправились вместе с ними к уполномоченному представителю правящей демократической партии Санкт-Рены. Чуть позже – к представителю Ее Величества. Потом – снова к официалам... На исходе четвертого часа околубюрократической возни и взаимных приветствий Ит и Ри прокляли все и вся и сошлись на том, что, чем терпеть все это, лучше бы они еще разок прогулялись по Маданге. Хорошо хоть Дашу и шатающегося от усталости Скрипача после третьего визита отпустили отдыхать!.. Дали транспорт и отвезли вот в эту самую гостиницу в самом центре города, с нижайшей просьбой – по возможности присутствовать на общем совещании, которое будет завтра.

...Санкт-Рена действительно была лояльна к Контролю. Лояльна настолько, что на ней даже размещали часть своих астрономического размера счетов Встречающие. Опасаться тут было совершенно нечего, мало того, и Королева, и демократическая партия готовы были содействовать во всем, что потребуется. Ит с удивлением заметил, что когда Таенн объяснил, что содействие не требуется, представители явно огорчились.

Сошлись на том, что Санкт-Рена выделит экипажу секторальной станции энергозапас (всего-то на сто лет автономной работы, господа, это же слезы, но не можем же мы отпустить вас просто так!), а местные медики посмотрят Скрипача – все-таки опыт работы со Встречающими у них есть, это может оказаться полезным.

Про Скрипача, разумеется, ничего нового никто не сказал. Про ключ, который он в себе нес, и Даша, и сам Скрипач тактично промолчали. Местные медики, восхищенно переглядываясь, принялись рассыпаться в восторгах по поводу работы, сделанной целителями Ордена, Даша вежливо улыбалась в ответ, а Скрипач демонстративно скучал.

– Добрые они какие, сил нет, – проворчал он, когда в номере, наконец, осталась только Даша и он сам. – И ведь на самом деле добра желают. Но как же это утомительно...

– Они добрые, это действительно так, – согласилась целительница. – Но я тут долго не выдержу. Тут слишком много... условностей.

– Обычай, – покивал Скрипач. – Знаешь, этот мир, он чем-то похож на тот, в котором мы были... ну, тот, где была Мариа. То есть тот мир, стань он Маджентой и сохрани при этом лучшие свои черты, стал бы, наверное, таким же. Или похожим.

– Расскажи мне про нее, – попросила Даша. – Вы почему-то почти ничего не говорите, а мне интересно. Странное ощущение складывается. Даже не знаю, как правильно сказать.

Скрипач вытащил из кармана флакончик с искоркой и положил на ладонь. Погладил указательным пальцем, потом, мгновение поколебавшись, протянул флакончик Даше. Та взяла, с полминуты стояла неподвижно, пристально вглядываясь в стекло, затем вскрикнула и выронила флакончик. Скрипач поднял крошечную стеклянную склянку, снова погладил и убрал в карман.

– Теперь ты понимаешь? – едва слышно спросил он. – Ты понимаешь, почему я хотел, чтобы вы сняли ключ? Понимаешь, что я хотел и до сих пор хочу умереть? Ты понимаешь, что я сделал?

– Благие... – прошептала Даша. – Да, я понимаю.

– Я поймал бабочку. По сути дела, я ее убил. А то, что было бабочкой, – оно тут, в этом флаконе. Даш, за свою жизнь я, по всей видимости, наворотил столько, что мне действительно самое место было на той свалке. – Скрипач тяжело опустился в кресло, подпер голову рукой, грустно посмотрел

на целительницу. – Шучу, смеюсь, веселю наших... а сам... Тот шрам у Ита на спине – видела?

– Пока не видела, он не показал, – отрицательно покачала головой целительница.

– Значит, заставь показать, – велел он. – В этом лучше... гм... наглядно убедиться. Даш, я помню какие-то обрывки, я даже собрать их воедино не могу, все рассыпается. Но я точно помню, что это из-за меня Ит попал тогда в беду. Точно!..

– А что именно ты помнишь? – спросила целительница.

– Помню осень. Помню свое желание – сбежать. Куда?.. Откуда?.. Не знаю... И помню, что сбежать не получилось – разочарование... – Скрипач нахмурился. – Разочарование, потому что придется умирать снова. И так этого не хочется!

– Снова?

– Ну да. Откуда это, я тоже не помню. А потом – вот это я вижу более чем ясно – широкая дорога и какой-то механизм. И Ит. Или не Ит?.. В общем, имя не важно. Я стою и смотрю, потому что помешать ничему не могу. А он... – Скрипач замолчал. Обхватил себя за плечи руками, зажмурился. Тряхнул головой. – Его искалечило. Я помню, как стою на коленях рядом с ним, в луже его крови, и он умирает, а вокруг люди, и никто... ни один человек... Боже мой... Он умирает, и я знаю, что я виноват в этом! Что если бы я не захотел той свободы, этого бы не случилось!

– Хватит, – приказала Даша решительно. – Скрипач, но ведь этого не было. Вы познакомились с Итом совсем недав-

но, вспомни сам.

– Какое, к черту, недавно! Я этого уroda знаю столько, что представить невозможно... – Скрипач осекся, с удивлением посмотрел на Дашу. – А почему ты сейчас про это сказала?

– Скрипач, если с вами обоими это и случилось, то не в этой жизни – точно, – справедливо заметила Даша. – Обычно память в новой инкарнации не сохраняется. Странно, что ты помнишь.

– Даш, так я до фига всего помню!.. Про то, что он умер, а я на него обиделся – тоже помню. Очень сильно обиделся. И блок этот, который в Сети сгорел, и мозги, которые вы исправили, – это все именно из-за этой обиды. Только я не помню, кому именно я мстил – ему или себе. Скорее всего обоим.

– А свалка? Когда ты к ним в катер залез, ты... Если я правильно понимаю, ты был там, по сути дела, счастлив.

– Свалка, говоришь? – Скрипач прищурился. – Ну да. Я был счастлив. Как бывают счастливы умственно неполноценные. Счастлив, как дебил. Как имбецил. Как идиот.

– При чем тут эти заболевания? – удивилась Даша.

– При том, что я сам себя искалечил, чтобы стать вот таким... счастливым. А потом, когда Ита увидел... Даш, ты не поверишь, но я же все помню. Все! Даже то, что чувствовал и видел, когда блок работал. И мысли свои помню, и ощущения. Ну, так вот, когда я его увидел – я же от счастья охренел! Я ж к нему подойти боялся, дотронуться – чтобы только

не спугнуть, чтобы не прогнал.

– И он не прогнал, – улыбнулась Даша. – Наоборот. В том, как он тебя отстаивает и как за тебя волнуется, – что-то аномальное.

– Ага, – согласился Скрипач. – И сейчас вот тоже... Ключ, который он не дал снять. На вас орал. Вот ты рассказала про гермо, но мне кажется, что это тут вообще ни при чем. Может, что-то от рауф в нас и есть, но мы все-таки люди.

– Мне тоже так кажется.

– Даш, ты только не говори им всем про Марию, а? – попросил Скрипач. – Хорошо? Потому что, с одной стороны, рассказать бы надо, но мне почему-то не хочется этого делать. По крайней мере пока.

– Не буду, – пообещала целительница. – Скрипач, а тебе не кажется, что содержимое флакончика после окончания нашей эпопеи надо вернуть? Не годится делать такие вещи. Совсем не годится.

– Вернуть? Наверное, – он призадумался. – Но если бы я этого не сделал тогда, она бы уничтожила станцию. Я не понимал, что делаю. Понимал, что надо сделать вот так, а потом вот этак, и мы освободимся...

– Так, все, – решительно сказала Даша. – Отдыхай, ты уже белый весь. Сейчас я подправлю схему, и ляжешь.

– Даш, можно я тут пока что? – просяще посмотрел на нее Скрипач. – Ита дождаться хочу.

– Ладно, – сдалась целительница. Пододвинула стул к

креслу, села рядом, взяла Скрипача за руку. Он закрыл глаза, медленно и глубоко вздохнул.

«Такие разговоры надо пресекать, – думала Даша, успокаивая чужой эмоциональный фон – острые пики, всплески, зазубрины, переливы темных минорных цветов. – Ему нельзя так нервничать. Зря я спросила про Марию, тема совершенно неподходящая».

Скрипач обмяк в кресле, голова упала на плечо – заснул. Уставал он все-таки очень быстро. Даша закончила исправлять эмофон и занялась проблемами тела. Обманка пока что работала хорошо, но нет-нет да и начинала сбойть – сейчас, к примеру, понизился сахар в крови и упало давление. Лучше всего решить хотя бы часть проблемы не искусственно – разбудить Скрипача через полчаса и заставить поужинать. Да и самой поесть было бы неплохо. Но, может, лучше дождаться ребят?

Даша заказала в номер большой кувшин вкусного холодного напитка, сделанного из несладкой минеральной воды и мелко порезанных фруктов, и снова села работать, понемногу отпивая из высокого хрустального стакана. Да, красивый мир, конечно. Во всем красивый. Даже стакан и графин – почти произведения искусства. Вот только дома, в Ордене, во сто крат лучше. Она ощутила, что уже начинает скучать, хотя прошло совсем немного времени. Ладно, сама вызвалась...

«Как же все запутано, – с горечью думала целительница. – Как в этом всем разобраться?»

Ит пришел вечером, усталый, но спокойный и, кажется, чем-то обрадованный. С порога погрозил Скрипачу, который хотел встать ему навстречу, пальцем и сказал:

– Да, не соврали. Новостей тут действительно... выше крыши.

– Сейчас расскажешь, я только ужин закажу, – попросила Даша.

– Я заказал, когда сюда шел. Ну, слушайте. Когда произошла атака...

...Когда произошла атака, Санкт-Рена ею оказалась не затронута. Ни она сама, ни ее планеты. Однако то, что происходит что-то совсем не шуточное, граждане Санкт-Рены поняли практически сразу. И тут же принялись принимать меры.

Первой, конечно, слетела Транспортная Сеть. Девяносто процентов проходов оказались нерабочими.

Дальше обнаружилось страшное – часть Встречающих, которых на планете находилось около трех десятков, погибла. Лишь неделю спустя стало понятно, что погибли те Встречающие, чьи экипажи были в тот момент не в Сети. Они держали свои участки в пассивном состоянии – и атака ударила по ним.

– Наши, как это услышали, с лица спали. Леон чуть в об-

морок не грохнулся, Морис его водой отпаивал, – пояснил Ит.

– Даже так? – удивилась Даша. – Может быть, я в чем-то все-таки права. Это радует.

– Они за своих Встречающих перепугались. Вполне естественно.

Встречающих, которые были на планете, через сутки после атаки пришли забирать официалы с базы. Спешно отзывали всех, кто остался жив. Потом через планету, вернее, через ее Транспортную Сеть, стали спешно проходить другие Встречающие и выжившие представители Контроля – числом больше тысячи душ. После того как они ушли на свою базу, транспортники поспешно заблокировали Машину Перемещения. Полностью. По настоянию тех же Контролирующих.

– Оказывается, тут побывали Встречающие наших, ну, Леона и Мориса. Нэгаши, Влада и Соня. Когда наши про это узнали, Морис стал такого красивого белого цвета, что Таенн его на улицу повел, – усмехнулся Ит. – Так что сказки это все, что Сэфес любить не умеют. Еще как умеют. Видели бы вы, до какой степени наши обрадовались, когда выяснилось, что обе Встречающие живы, здоровы и сейчас находятся на Орине.

– На Орине? – нахмурился Скрипач. Он явно старался что-то вспомнить, но ему это не удалось.

– Орин – та самая база, на которую мы идем, – продол-

жил Ит. – Там сейчас, по словам местных официалов, около шести тысяч Контролирующих, Связующих и Встречающих. Планета изолирована полностью. Не войти и не выйти. Нет, выйти, если я правильно понял, можно, но вот войти...

– А как же мы-то войдем? – спросила Даша.

– Как-нибудь, – пожал плечами Ит. – Сначала туда еще дойти надо.

Ну так вот. Когда Контроль ушел, стали поступать сведения от официалов. Очень разные, очень противоречивые. Анализ этих сведений занял неделю, а после этого Санкт-Рена приняла решение – спешно организовывать сеть порталов и оказывать помощь всем, кому еще возможно помочь.

– То, что мы видели, когда сюда пришли, – один из гуманитарных караванов. На каждом таком корабле пятнадцать тысяч человек и куча всего, что может быть необходимо, – от медоборудования до провизии. Санкт-Рена никогда и ни с кем не воевала, поэтому боевых кораблей, конечно же, нет. Социальную систему она имеет очень развитую. Равно как и общественное сознание. Можно их, конечно, ругать за излишний этикет и все эти церемонии, но сам факт того, что та же Королева ушла на одном из первых кораблей...

– А Королева там зачем? – не поняла Даша.

– Так она же врач, – пояснил Ит. – Ведь уходит кто? Врачи. Психологи. Ученые. Группы эмпатов. Государство свои собственные ресурсы до половины выбрало, если не больше. Несколько кораблей они потеряли.

– Неофиты? – неприязненно спросил Скрипач.

Ит кивнул:

– Они самые. Но зато успехов, по их словам, уже порядочно. Пару сотен миров из коллапса им удалось вывести. Еще на десятке – сумели остановить спонтанно возникшие войны. Говорят, что в пораженной зоне в пострадавших мирах тут и там вспыхивают эпидемии какой-то непонятной заразы – тоже останавливают, купируют. Помогают, чем могут, проще говоря. Всем подряд.

– Молодцы, – серьезно заметила Даша. – Ит, это стандартное государство для Мадженты, верно?

– Верно, – кивнул Ит. – Нет, у нас все немного не так устроено, но... знаешь, я думаю, что если бы в Д-35-ст это все было... у нас бы тоже объявили, что требуются такие-то и такие-то для того-то и для того-то.

– А ты бы пошел? – спросила Даша.

– Дурацкий вопрос. Пошел бы, разумеется, – пожал плечами Ит. – По-моему, любой бы пошел. Если он, конечно, считает себя человеком.

Санкт-Рена сейчас поспешно создает блокпосты, не боевые, а для наблюдений за тем, что происходит в черной зоне. Корабли неофитов в прямой видимости за все время появлялись всего три раза и близко к блокпостам не подходили – видимо, просто их не заметили. До того как уйти работать наравне с другими своими гражданами, Королева, женщина немолодая и с очень хорошо развитой интуицией, велела ни

в коем случае не отправлять на эти блокпосты эмпатов. А на людей корабли неофитов не реагировали. . .

Они очень хорошо держатся, – заметил Ит в конце своего рассказа. – Уверенно, спокойно. Молятся этой своей Небесной Царице, но присутствия духа не теряют и не паникуют.

– Почему – Небесной Царице? – не понял Скрипач.

– А у них бог – женского рода, – безмятежно ответил Ит. – Редкий такой вариант. Обычно ведущий демиург – мужчина, а тут – женщина. Королева – божья избранница. . . ну и так далее. Однако матриархата нет, все обычно.

– Дадут мне сегодня поесть чего-нибудь? – жалобно спросил Скрипач.

– Дадут, обжора, – отмахнулся Ит. – Знаете, что хорошо? Что до этого сегмента флот блэки еще не добрался. Ни один из тех, что этот урод отправил за нами следом. У нас есть запас времени. Завтра мы еще на одном совещании посидим и отправимся дальше.

– Времени у нас все равно мало. – Даша посмотрела на Скрипача. Ит тяжело вздохнул. – Ну да ладно. Где, в конце концов, обещанный обед? Ит, мы, между прочим, все это время не ели, потому что ждали тебя.

* * *

Ри, утомленный дневными забегами по городу и бесконечными разговорами, очутившись у себя в номере, тут же

рухнул на кровать как подкошенный. Он ужасно устал. С одной стороны, надо бы поработать. С другой – очень хотелось спать. Полежав минут десять, он заставил себя сесть, вывел визуальную панель биокомпа и принялся за расчеты, но голова нормально работать категорически не желала. Ри заказал еды в номер, наскоро перекусил и снова лег. Лучше сейчас выспаться, а потом встать пораньше и на свежую голову все быстренько сделать.

Морис, часом позже заглянувший к нему, застал следующую картину. Бедный замученный пилот дрых без задних ног поперек кровати, не удосужившись ни раздеться, ни разуться. Сэфес, чертыхаясь, стащил с него ботинки, укрыл покрывалом и ушел – они втроем решили закончить разговор с официалами, касающийся важной и, что греха таить, неприятной темы. Официалы просили их взять на борт тела двоих погибших Встречающих, которых им доставили недавно через один из порталов. Таенну эта перспектива совершенно не нравилась, а Леон, напротив, тела хотел взять. Спорили уже долго, и спор грозил затянуться.

Ри спал.

Спал и видел сон.

В этом сне он стоял на дне огромного амфитеатра, заполненного тысячами беснующихся и орущих людей. Гигантский зал-котлован выл, грохотал, стонал, визжал; тут и там вспыхивал ослепительный свет, вспыхивал и тут же гас.

Толпа начала скандировать какое-то слово, но Ри не мог

разобрать, что именно они кричат. Кажется, повторяли без конца чье-то имя, и вдруг Ри понял, что имя это – его, и кричат – ему. Тяжело дыша, словно после быстрого бега, он поднял голову, откинул со лба длинную черную прядь – и толпа снова взорвалась приветственным воплем. В зале, видимо, было несколько десятков тысяч человек, захваченных сейчас единым порывом восторга и предвкушения чуда.

Он опустил глаза вниз и обнаружил, что в руках у него находится какой-то невиданный музыкальный инструмент. Рука сама собой, привычным жестом легла на...

...на обечайку, и Ри тут же понял, что этот инструмент – гитара, просто очень необычная. Он поднял руку, призывая толпу к тишине, и тут же за его спиной вдруг раздался единый и огромный звук. Ри понял, что там, позади него, находится оркестр, и по его знаку все они приготовились, и сейчас...

А дальше – пришла музыка. Нет, пожалуй, даже Музыка – с большой буквы. Эта Музыка, которую он играл и играл невидимый оркестр, разрывала на части пространство, уносила, возносила, возвеличивала... руки его двумя безумными птицами летали над инструментом, и в мире, казалось, не осталось больше вообще ничего, кроме сумасшедшей мелодии, обезумевшего оркестра и замершего в немом восторге зала...

И вдруг все остановилось.

Замерла, как впаянная в лед, рука над струнами, смолк ор-

кестр, словно его разом кто-то выключил. Ри почувствовал, что не может пошевелиться. Кажется, даже дыхание прервалось.

– Так... – произнес где-то в пространстве тихий голос. – Да-да-да... И не скроет их даже камень...

Ри почувствовал, что откуда-то из пустоты протянулась невидимая ему рука и опустилась на лоб. По ней словно пошел электрический ток, сначала слабый, но становящийся все сильнее и сильнее. Лоб покалывало, потом от головы, вниз по телу, побежала волна дрожи. Он рванулся, отчаянно, жестоко, но не смог сдвинуться ни на миллиметр.

– Глупые птицы... – шептал голос. – Пленники... музыкальной шкатулки... Теперь вам уже не сбить меня с толку...

Ток усилился. Ри чувствовал, что его трясет, сознание начало меркнуть, гаснуть, мысли спутались – и тут он закричал. Из последних сил, уже понимая, что все это – вовсе не сон, а нечто совсем другое, он закричал, как не кричал никогда в жизни.

* * *

– Что там такое? – с тревогой спросил Ит.

Даша рывком села на кровати, прислушалась.

– Это Ри, – с удивлением сказала она. – Бежим!

В комнате они застали следующую картину. Пилот корчился на полу рядом с разоренной кроватью, руками вцепив-

шлись себе в горло, рядом с ним валялось разодранное и смятое покрывало. Даша оценила обстановку мгновенно – она упала на колени рядом с Ри и крикнула Иту:

– Держи его! Держи крепче!..

Он повиновался и изо всех сил прижал плечи Ри к полу, чувствуя под руками окаменевшие в судороге мышцы.

– Что с ним? – Ит с тревогой уставился на целительницу.

– Не знаю... – Даша положила Ри на лоб руку, замерла. Вскрикнула, дернулась, потом, в мгновение ока собравшись, положила вторую ладонь рядом с первой. Закрыла глаза. Ит видел, как на лбу у нее вздуваются от напряжения вены, как покрывается испариной резко побледневшее лицо.

Ри резко вздохнул и застонал. Мышцы его мгновенно обмякли, потом снова судорожно напряглись. Его затрясло.

– Держи, – не открывая глаз, приказала Даша. – Ит, не подведи меня!

Тело Ри вдруг выгнулось дугой, он закричал. Под руками Даши что-то вздрогнуло, отчаянно задергалось и – вырвалось. Пилот рухнул на пол и остался лежать неподвижно, едва дыша.

– Успели... – прошептала целительница. – Ит, принеси мне воды...

– Ага, – только и сумел выговорить он.

Через несколько минут, когда Даша убедилась, что Ри дышит нормально, они вдвоем положили пилота на кровать. Он все еще был без сознания, но дышал уже действительно

уверенно и ровно. Даша вызвала Таенна и Сэфес, а Скрипач пришел сам – услышал шум.

– Я его сейчас разбуду, – предупредила девушка, когда все собрались. – Надо срочно разобраться с тем, что произошло. Вернее, как оно произошло.

– Да что случилось-то? – с недоумением спросил Таенн.

– Случилось... – Даша задумалась. – Случилось то, что я увидела как внешнее удаленное воздействие. С помощью которого его едва не убили. Если бы мы с Итом не подоспели вовремя, он бы просто задохнулся.

– Ничего себе... – протянул Леон. – Вот даже как...

– Даже так. Ри, просыпайся, – позвала Даша. Взяла пилота за руку, едва заметно сжала ее. – Просыпайся, все хорошо.

Ри с трудом открыл глаза, поморщился. Даша продолжала держать его руку в своей, Ит с тревогой всматривался в его лицо.

– Что произошло? – встревоженно поинтересовался он.

– Господи... – хриплым шепотом сказал Ри. – Он меня чуть не убил...

– Кто? – насторожился Таенн.

– Подожди, – попросила Даша. – Ри, скажи мне, сейчас что-то болит? Горло, легкие, мышцы?

– Да, – ответил Ри. С трудом сел повыше, снова прикрыл глаза. – Все болит... больше всего горло... как будто душили... и глотать больно.

– Сейчас уберу, – Даша подняла руку, и через минуту Ри

явно стало легче. Взгляд его прояснился, он несколько раз глубоко вздохнул, откашлялся. – Так-то лучше. Вот теперь рассказывай.

– Он меня нашел. Мне снился сон... странный сон, как будто я стал музыкантом и играю что-то в огромном зале... Играю не один, с оркестром... и вдруг сон остановился, и появился он. Говорил что-то... я толком не понял что. Говорил и держал. А я не мог вырваться. Чувствовал, что умираю, – и не мог даже пошевелиться.

– Кто – он? – В голосе Мориса слышалась тревога.

– Ты еще не понял? – недоуменно посмотрел на него Ри. – Это был он. Дьявол.

– А теперь вопрос. Даша, можно что-то придумать, чтобы не спать десять дней, которые нам предстоит идти? – спросил Ит.

Даша промолчала.

Секторальная станция

Надежды и сны

– Может, если мы сменим точку, он нас потеряет? – Леон хмуро смотрел на остальных.

– Глупости не говори, – поморщился Таенн. – Потеряет, жди. Как же. Вот ведь проклятая тварь!.. Что же придумать, чтобы от него отвязаться?

– Вам беспокоиться не о чем, – мрачно заметил Ит. – А вот если он так же нападет на Скрипача, у которого ключ и который едва ноги таскает...

– Ит, не пори горячку. Обрати внимание, что первым он попробовал убить пилота. Как ты думаешь, почему?

– Чтобы обездвижить станцию, наверное, – предположил Ит.

– Да. И потом, он, думаю, убежден в том, что Скрипач погиб – после такого обычно не выживают. Значит, сначала он попробует добраться до Ри, а следующий на очереди – ты, дорогой созидающий.

– Хватит называть меня созидающим, – огрызнулся Ит. – У меня вообще-то имя есть.

– Хорошо, не буду, – пообещал Таенн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.